

Джон Гришэм

Кто в списке у судьи?

Новое дело Лейси Штольц,
следователя из романа «Информатор»!

Джон Гришэм
Кто в списке у судьи?
Серия «Гришэм: лучшее»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70190308
Гришэм, Джон. Кто в списке у судьи?: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-155975-5

Аннотация

Три года назад Лейси Штольц вывела на чистую воду коррумпированного судью, получившего миллионы долларов от мафиозного синдиката. Расследование едва не стоило ей жизни, и теперь Лейси наконец готова к переменам. Однако сперва ей предстоит раскрыть одно из самых запутанных дел в ее карьере...

Отец Джери Кросби, уважаемый университетский профессор, погиб при загадочных обстоятельствах много лет назад. Его смерть так и осталась нераскрытой. Два десятилетия Джери искала виновника и теперь не сомневается: ее папа оказался далеко не единственной жертвой серийного убийцы. И является им не кто иной, как местный судья с безупречной репутацией, жестоко расправляющийся со всеми, кто перешел ему дорогу.

Сможет ли Лейси найти доказательства и отправить преступника за решетку прежде, чем окажется следующим именем в его списке?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	47
Глава 5	55
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	87
Глава 9	103
Глава 10	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Джон Гришэм

Кто в списке у судьи

John Grisham

The Judge's List

© Belfry Holdings, Inc., 2021

© Перевод. А. Кабалкин, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Глава 1

В офис позвонили по стационарному телефону – такие были у всех лет двадцать назад и давно устарели, их вытеснили новые многочисленные продукты технического прогресса. Звонок приняла недавно поступившая на работу татуированная секретарша Фелисити, которая точно уволится еще до того, как полностью освоится со здешней телефонной связью. Из этой конторы все спешили сбежать, особенно технический персонал. Текучка была кошмарная, моральные принципы сотрудников – ниже некуда. Бюджет Комиссии по проверке действий судей четвертый год подряд урезался законодателями, вряд ли вообще знавшими о ее существовании.

Фелисити исхитрилась перевести звонок на аппарат, с незапамятных времен стоявший на заваленном бумагами столе Лейси Штольц.

- Звонят по третьей линии, – доложила она.
- От кого звонок? – спросила Лейси.
- Она не представилась.

Лейси могла бы на это отреагировать, но ей настолько все надоело, что она не стала тратить душевную энергию на то, чтобы указывать девчонке в татуировках на ее место. Правила и протоколы почти не соблюдались, офисная дисциплина отчаянно хромала, КПДС разваливалась на глазах из-за от-

сутствия достойного руководства.

Ей как ветерану этой структуры, причем чуть ли не единственному, важно было тем не менее подавать пример исправной работы.

– Спасибо, – сказала она и нажала мигающую кнопку. – Лейси Штольц слушает.

– Здравствуйте, мисс Штольц. У вас найдется минутка?

Женщина, образованная, без малейшего акцента, между сорока и пятьюдесятью плюс-минус три года. Лейси нравилось мысленно создавать портрет собеседника по голосу.

– С кем имею удовольствие говорить?

– Сейчас я – Марджи, но у меня есть и другие имена.

Лейси удивилась и едва не хмыкнула.

– Что ж, по крайней мере, откровенно. Не придется тратить время на другие ваши вымышленные имена.

Анонимные звонки были в КПДС обычным делом. Жаловавшиеся на судей всегда соблюдали осторожность и не спешили нападать на систему в целом. Почти все они опасались возмездия со стороны властей предержавшихся.

– Я бы хотела переговорить с вами в приватной обстановке, – сказала Марджи.

– Для этого вполне сойдет мой кабинет.

– О нет! – Женщину явно испугала сама эта мысль. – Так не пойдет. Знаете Сайлер-билдинг по соседству с вами?

– Конечно. – Лейси встала и посмотрела в окно на Сайлер-билдинг – одно из нескольких невзрачных официальных

зданий в центре Таллахасси.

– Там внизу кофейня. Как вам такое место встречи?

– Сойдет. Когда?

– Сейчас. Я здесь, пью уже второе латте.

– Потерпите еще несколько минут. Вы меня узнаете?

– Узнаю, я видела вас на сайте. Я сижу в глубине, слева.

Кабинет Лейси тоже обеспечивал приватность. Помещение слева пустовало после недавнего перехода бывшей коллеги в более крупное учреждение. Кабинет напротив временно использовался под склад. Лейси зашагала в направлении Фелисити и заглянула по пути в кабинетик Даррена Троупа, нанявшегося сюда на двухлетний срок и уже подыскивавшего себе новое место.

– Ты занят? – спросила она, оторвав его от просмотра каких-то бумаг.

– Вообще-то нет. – Когда в нем нуждалась Лейси, он принадлежал ей полностью.

– Окажи мне услугу. У меня встреча в Сайлер-билдинг с незнакомкой, сообщившей, что прячется под вымышленным именем.

– Обожаю таинственность! Как раз читаю про судью, смущавшего свидетеля разными непристойными комментариями.

– Насколько непристойными?

– Визуальными.

– Фото, видео?

– Пока не могу сказать.

– Когда получишь материалы, дай мне знать. А пока не возражаешь отвлечься на полчаса, чтобы сделать снимок?

– Не возражаю. Ты хоть знаешь, кто она такая?

– Понятия не имею.

Лейси вышла на улицу, немного прогулялась, чтобы подышать свежим воздухом, и скоро уже была в лобби Сайлер-билдинг. Было около четырех дня, в такое время никто, кроме Марджи, тут кофе не пил. Она сидела за столиком у дальней стены слева и быстро взмахнула рукой, будто опасаясь, что ее заметят посторонние. Лейси, улыбнувшись, направилась к ней.

Афроамериканка, между сорока и пятьюдесятью, явно уверенная в себе, привлекательная, образованная, узкие брюки, туфли на высоком каблуке, одета лучше Лейси, хотя в последнее время в КПДС все одевались кто во что горазд. Прежний начальник требовал пиджаков и галстуков и не выносил джинсов, но он два года назад ушел на пенсию, прихватив с собой большую часть прежних правил.

Лейси миновала стойку, за которой скучала бариста, не отрывавшая взгляда от экрана розового телефона. Она не подняла головы и не поприветствовала посетительницу, но в намерения Лейси не входило заказывать кофе.

Марджи, не вставая, протянула ей руку:

– Рада познакомиться. Выпьете кофе?

– Нет, благодарю. Вы Марджи?

– В данный момент да.

– Не лучшие обстоятельства для знакомства. Почему вы пользуетесь не своим именем?

– Мой рассказ займет не один час. Не уверена, что вы захотите слушать.

– Зачем тогда начинать?

– Пожалуйста, мисс Штольц!

– Лейси.

– Пожалуйста, Лейси. Вы не представляете, через какие душевные муки я прошла, прежде чем оказаться тут с вами. Теперь я настоящая развалина, да вы и сами видите.

Ничего подобного Лейси, однако, не видела. Заметно было разве что некоторое напряжение. Возможно, так на нее подействовали два латте. Она стреляла в разные стороны красивыми глазами из-под огромных очков в фиолетовой оправе – видимо, без диоптрий, поскольку это был просто элемент маскировки.

– Не знаю пока, как реагировать, – сказала Лейси. – Начните, там видно будет.

– Я про вас читала. – Она достала из своего рюкзачка папку. – Недавняя история с индейским казино. Вы поймали на мошенничестве судью и добились ее увольнения. Один из репортеров назвал это крупнейшим скандалом с подкупом в истории американской юриспруденции. – Папка толщиной в два дюйма приятно поражала аккуратностью.

Лейси насторожилась, услышав необычное для простого

обывателя слово «юриспруденция».

– Да, крупное было дельце, – согласилась она, разыгрывая застенчивость.

– Крупное? – повторила с улыбкой Марджи. – Вы разгромили преступный синдикат, прищучили судью, посадили кучу народу за решетку. Кажется, эти люди до сих пор сидят.

– Так и есть, но я была далеко не одна – ФБР в том деле тоже отметилось. Оно было весьма непростым, не обошлось без жертв.

– Погиб, в частности, ваш коллега Хьюго Хэтч.

– Да, Хьюго... Занятно, почему вы всем этим так интересуетесь?

Марджи сложила руки на папке, которую пока не открыла. У нее слегка подрагивали указательные пальцы. Она бросила взгляд на дверь, хотя никто не входил и не выходил, не было вообще никакого движения, а бариста по-прежнему витала в облаках. Марджи сделала глоток через соломинку. Если это было ее второе латте, то она к нему почти не прикасалась. Она жаловалась на душевные муки, назвала себя развалиной. Лейси поняла, что собеседница сильно напугана.

– Я бы не назвала это интересом: просто заглянула в Сеть. Сами знаете, там чего только нет!

Лейси улыбнулась, решив заpastись терпением.

– Не уверена, что понимаю вас.

– Ваша задача – выводить на чистую воду судей, которых обвиняют в злоупотреблениях, так ведь?

– Именно так.

– Как давно вы этим занимаетесь?

– А какая, простите, разница?

– Пожалуйста, ответьте!

– Двенадцать лет. – Назвать эту цифру было равносильно признанию своего поражения. Слишком долго!

– Каким образом вы начинаете расследование по тому или иному делу? – спросила Марджи, по-прежнему избегая конкретики.

Лейси сделала глубокий вдох, напомнив себе о решении проявлять терпение. Жалобщики, зашедшие достаточно далеко, часто оказывались неуравновешенными людьми. Она ответила с улыбкой:

– Обычно тот, кто намерен жаловаться на судью, связывается с нами, мы встречаемся. Если претензия выглядит весомой, человек пишет официальное заявление, после чего мы работаем с ним полтора месяца, избегая огласки. У нас это называется «экспертиза». В девяти случаях из десяти этим все и ограничивается, жалоба отклоняется. Если же мы сталкиваемся со злоупотреблением, то уведомляем об этом судью и даем ему или ей месяц на реагирование. Обычно все они обращаются к адвокатам. Мы проводим расследование, устраиваем слушания, приглашаем свидетелей, все честь по чести.

Пока она говорила, появился Даррен. Он отвлек баристу от грез, заказав кофе без кофеина, дождался, не обращая

внимания на двух женщин, своего заказа и прошел с чашкой в другой угол кофейни, где открыл ноутбук и вроде бы погрузился в серьезную работу. На самом деле он прицелился камерой ноутбука в спину Лейси и в лицо Марджи, приблизил картинку и начал съемку. Получилось целое видео и еще несколько фотографий.

Если Марджи и заметила его, то не подала виду. Внимательно выслушав Лейси, она спросила:

– Насколько часто проверка кончается снятием судьи с должности?

И опять Лейси было непонятно, при чем тут это.

– К счастью, не очень часто. В нашей юрисдикции больше тысячи судей, абсолютное большинство которых – честные трудяги-профессионалы. Большинство поступающих нам жалоб попросту несерьезны. Их авторы – сутяги, обозленные тем, что не добились желаемого. Уйма дел о разводах. Множество проигравших процессы адвокатов. Мы не сидим без дела, но чаще всего в итоге гасим конфликты.

В ее изложении все это выглядело скучным. За двенадцать лет она действительно успела заскучать.

Марджи внимательно слушала, барабаня пальцами по своей папке. Потом со вздохом спросила:

– Человека, подавшего заявление, обязательно опознают?

Лейси, выдержав недолгую паузу, ответила:

– В конечном счете да. Истец крайне редко остается анонимным.

– Почему?

– Потому что он обычно знает факты по делу и должен давать показания против судьи. Трудно уличить судью, если те, кому он насолил, боятся поднять голову. Вы боитесь?

Кажется, Марджи испугало само это слово.

– Можно сказать и так, – призналась она.

Лейси нахмурилась.

– Предлагаю вам перестать темнить. Насколько серьезен проступок, о котором идет речь?

Марджи зажмурилась и выдавила:

– Речь идет об убийстве.

Сказав это, она широко распахнула глаза и огляделась, проверяя, не подслушивают ли ее. Кроме Лейси, рядом не было ни души, а та восприняла признание с суровым скепсисом, выработанным за годы работы. В который раз она напонила себе о необходимости терпения. Снова взглянув на Марджи, она увидела, что глаза у той на мокром месте.

Подавшись к ней, Лейси ласково спросила:

– Вы намекаете, что кто-то из наших действующих судей совершил убийство?

Марджи, прикусив губу, покачала головой.

– Не намекаю, а утверждаю. Я это точно знаю.

– Можно узнать, откуда?

– Одной из его жертв был мой отец.

Услышав это, Лейси сама невольно огляделась.

– То есть жертв несколько?

– Да. Я считаю, что мой отец стал его второй жертвой. Не уверена в порядковом номере, но вина судьи несомненна.

– Интересно...

– Не то слово! Часто вам доносят на судей-убийц?

– Честно? Впервые.

– То-то и оно. Сколько судей за всю историю Америки были обвинены в совершении убийства в период исполнения ими судебных обязанностей?

– Я не слышала ни об одном.

– Вот именно. Ноль. Так что сказать просто «интересно» – значит, ничего не сказать.

– Не хотела вас обидеть.

Тем временем Даррен, завершив свое важное дело, исчез. Обе женщины не обратили внимания на его уход.

– Какие могут быть обиды! – отмахнулась Марджи. – Здесь, в кофейне, я больше ничего не скажу. У меня куча информации, которой я готова поделиться с вами одной, но только не здесь.

За годы работы Лейси сталкивалась как с множеством неуравновешенных граждан, так и с полными безумцами, приносящими коробки, а то и целые мешки документов, исчерпывающе доказывавших продажность того или иного мерзавца в мантии. При этом ей почти всегда хватало нескольких минут беседы с глазу на глаз, чтобы вынести свой вердикт и начать прикидывать, как отправить кляuzu в должный ящик. За эти годы она научилась разбираться в людях,

хотя разобраться во многих представавших перед ней чокнутых типах не требовало больших усилий.

Но Марджи, или как там ее звали, не была похожа ни на чокнутую, ни даже на просто неуравновешенную особу. Что-то действительно произошло, и это «что-то» ее изрядно напугало.

– Так... – протянула Лейси. – И что дальше?

– В каком смысле?

– Послушайте, вы обратились ко мне. Вы хотите продолжить разговор? Я не играю в игры и не располагаю временем, чтобы вытягивать сведения из вас или из любого другого, вздумавшего жаловаться на судью. Я и так постоянно отвечаю на звонки. Примерно раз в месяц я провожу расследования, которые заходят в тупик. Вы намерены продолжать или нет?

Марджи опять пустила слезу и стала вытирать щеки. Лейси наблюдала за ней с максимальным сочувствием, но при этом ее не покидало желание сбежать и больше не возвращаться.

Тем не менее сама мысль об убийстве не могла ее не зацепить. Обычно весь ее рабочий день в КПДС был посвящен разбору мелких кляуз несчастных людей с незначительными проблемами, которым нечего было терять. «Действующий судья-убийца» – это звучало слишком сенсационно и не вызывало доверия.

Наконец Марджи сообщила:

– Я сняла номер в отеле «Рамада» на Ист-Гейнсе. Можем встретиться там, когда закончится ваш рабочий день. Только приходите одна.

Лейси кивнула – иного она и не ждала.

– Понимаю ваши опасения. Но согласно нашим правилам, мне нельзя проводить первоначальную встречу с истцом вне нашего офиса в одиночку. Я буду вынуждена привести кого-то из коллег.

– Типа мистера Троупа? – Марджи указала кивком на опустевший стул Даррена.

Лейси медленно повернулась, всем своим видом демонстрируя, что не понимает, о чем речь. При этом она напряженно придумывала ответ.

– Я видела на вашем интернет-сайте коллективную фотографию сотрудников, на ней все до одного улыбаются. – Марджи достала из портфеля собственный цветной снимок формата восемь на десять. – Дарю! Все лучше, чем фото, сделанное только что украдкой мистером Троупом.

– Вы, собственно, о чем?

– Уверена, он уже загрузил мою физиономию в вашу программу распознавания лиц и ничего не нашел. Меня нет ни в одном банке данных.

– Никак вас не пойму. – Марджи знала, о чем говорила, но Лейси, застигнутая врасплох, не собиралась признавать себя побежденной.

– Уверена, все вы понимаете. Либо вы придете одна, либо

это наша последняя встреча. Вы – самый опытный следователь во всей вашей конторе, а начальница у вас на данный момент временная. Думаю, вы сама себе хозяйка.

– Хотелось бы мне, чтобы все было так просто!

– Давайте считать это попросту встречей за бокалом вина в нерабочее время. Увидимся в баре. Если все будет в порядке, поднимемся в номер и продолжим в еще более приватной обстановке.

– Нет, у вас в номере мне не место. Это нарушило бы все наши правила. Если жалоба будет зарегистрирована и в дальнейшем возникнет необходимость в конфиденциальной встрече, тогда другое дело. А пока что кто-то должен быть осведомлен, где я нахожусь.

– Разумно. Когда вам удобно?

– Часов в шесть?

– Я буду в дальнем правом углу, одна, как и вы. И, чур, никаких проводов, диктофонов, скрытых камер, коллег с фотоаппаратами, прикидывающихся случайными посетителями. Передайте привет Даррену. Возможно, рано или поздно мы с ним познакомимся. Договорились?

– Договорились.

– Хорошо, ступайте.

Лейси еще раз прошла по кварталу. Возвращаясь в офис, она неохотно призналась себе, что никогда еще не терпела на первом же собеседовании такого фиаско, как в этот раз.

Она положила на стол Даррену цветную фотографию и сказала:

– Шикарная работа! Прокол по всем статьям. Она знает, как нас зовут, знает наши должности и служебные номера. Она вручила мне это фото со словами, что оно лучше тех снимков, которые ты нащелкал своим ноутбуком.

– Она права, – согласился Даррен, взяв фотографию.

– Есть догадки, кто она такая?

– Ни малейших. Я прогнал ее фото через нашу «прачечную», результат нулевой. Хотя из этого, как ты знаешь, мало что следует.

– Из этого следует по меньшей мере то, что за последние шесть лет она ни разу не подвергалась аресту в штате Флорида. Можешь пробить ее по базе ФБР?

– Вряд ли. Им подавай причину, а я ничего не знаю. Можно задать очевидный вопрос?

– Задавай.

– Наше агентство занимается расследованиями?

– Типа того.

– Зачем тогда мы выкладываем свои фотографии и биографии на дурацком веб-сайте?

– Спроси об этом босса.

– Нет у нас босса. Есть канцелярская крыса, и мы оглянуться не успеем, как она удерет из нашей тонущей канцелярии.

– Может быть. Послушай, Даррен, мы уже раз десять это обсуждали. Да, нам ни к чему помещать свои физиономии на страничке КПДС. По этой причине я не обновляла свою уже пять лет. Я по-прежнему выгляжу там тридцатичетырехлетней.

– Скорее, тебе тридцать один, но я пристрастен.

– Благодарю.

– Думаю, это вполне безопасно. Мы же не охотимся за убийцами и наркоторговцами.

– Справедливо.

– Так что за жалоба у этой дамочки, как ее там?..

– Еще не знаю. Спасибо, что помог.

– Да уж – помог так помог.

Глава 2

Холл отеля «Рамада» располагался в просторной угловой части многолюдного атриума. К шести часам хромированную стойку здешнего бара густо облепили одетые с иголки лоббисты, заигрывавшие со смазливymi секретаршами всевозможных агентств. Большая часть столиков тоже была уже занята. В пяти кварталах отсюда, в Капитолии, заседали законодатели штата, поэтому во всех гостеприимных гостининых городского центра роились важные люди, увлеченно обсуждавшие политику с уклоном в финансы и секс.

Лейси, войдя, почувствовала на себе заинтересованные мужские взгляды, что не помешало ей решительно направиться в дальний правый угол, где в одиночестве за столиком сидела Марджи со стаканом воды.

– Спасибо, что пришли, – сказала она Лейси. Та села.

– Не стоит благодарности. Вам знакомо это место?

– Нет, я здесь впервые. Здесь людно.

– Особенно в это время года. После завершения карнавала наступает затишье.

– Карнавала?..

– Я о сессии законодательного собрания. Она проходит с января по март. В это время лучше запираить на ключ крепкое спиртное и прятать женщин и детей. Вы же знаете, как это бывает.

– Увы, нет.

– Насколько я понимаю, вы не здешняя.

– Нет, не здешняя.

Запыхавшаяся официантка задержалась у их столика и, хмуро глядя на стакан с водой, спросила, что они будут пить. Ее намек был ясен: у них аншлаг, и она хотела бы видеть за этим столиком тех, кто предпочитает выпивку.

– Бокал пино гриджио, – попросила Лейси.

– И мне, – быстро сказала Марджи. Официантка убежала.

Лейси осмотрелась, желая убедиться, что их никто не слышит. Расстояния между столиками были достаточно велики, к тому же в доносившемся из бара мерном гуле тонули любые голоса.

– Значит, так, – начала Лейси. – Вы не здешняя, вашего настоящего имени я не знаю. Наша беседа пойдет неспешно, но мне не привыкать. С другой стороны, как я уже говорила, я трачу слишком много времени на обращения людей, которые набирают в рот воды, лишь только наступает момент рассказать мне толком, что к чему.

– С чего мне начать?

– Начните с вашего настоящего имени.

– Это можно.

– Я вся внимание.

– Только мне надо знать, для чего вам оно. Вы заведете дело? В цифровом формате или по старинке, на бумаге? Если в цифровом, то где оно будет храниться? Кто еще будет

знать мое имя?

Лейси, усмехнувшись, посмотрела собеседнице в глаза. Марджи, не выдержав, отвела взгляд.

– Вы нервничаете, – заключила Лейси. – Можно подумать, что за вами следят.

– Дело не в слежке, Лейси. Просто всегда остается след.

– Оставлять следы опасно, когда по ним идут. Кто это делает? Судья, которого вы подозреваете в убийстве? Я не обойдусь без вашей помощи, Марджи. Дайте мне хоть что-то.

– Все оставляет следы.

– Вы уже это говорили.

Пробегавшая мимо официантка успела поставить на их столик два бокала вина и вазочку с орешками. Марджи словно не заметила вино, а Лейси сделала глоток.

– Мы застряли на теме имени. Я запишу его на бумаге и не стану помещать в сети. Сначала.

Марджи кивнула и вдруг преобразилась.

– Джери Кросби, сорок шесть лет, преподаватель политических наук в Университете Южной Алабамы, город Мобил. Один брак, один развод, один ребенок – дочь.

– Благодарю. Вы уверены, что вашего отца убил ныне действующий судья, я правильно поняла?

– Да, судья штата Флорида.

– Выбор сужается примерно до тысячи кандидатов.

– Окружной судья, Двадцать второй судебный округ.

– Впечатляет! Остается всего ничего – человек сорок. Когда я узнаю имя подозреваемого?

– Совсем скоро. Давайте немного притормозим. Сейчас нет смысла меня торопить.

– Вы не притронулись к вину. Оно могло бы помочь.

Джери, сделав глоток, сказала со вздохом:

– Как я понимаю, вам лет сорок.

– Почти. Тридцать девять, но скоро исполнится сорок. Критический возраст?

– В некотором смысле. Но жизнь продолжается. Двадцать два года назад вы еще были школьницей?

– Выходит так, а что?

– Отдохните, Лейси, сейчас говорю я. Увидите, от этого будет толк. Вы были еще молоденькой девушкой и, вероятно, не читали об убийстве Брайана Берка, профессора юриспруденции на пенсии.

– Ничего об этом не слышала. Это ваш отец?

– Да.

– Соболезную.

– Благодарю. Мой отец почти тридцать лет преподавал в Школе права в Галфпорте, Флорида, это недалеко от Тампы.

– Мне знакомо это учебное заведение.

– Он ушел на пенсию в шестьдесят лет по семейным обстоятельствам и вернулся в свой родной город в Южной Каролине. У меня есть подробное досье на отца, в нужный момент я его вам передам. Он был славным человеком. Излиш-

не говорить, что его убийство опрокинуло наш мир. Откровенно говоря, с тех пор я так и не пришла в себя. Лишиться родителя в ранней молодости – всегда тяжелый удар, но когда его убивают, а дело остается нераскрытым, это просто катастрофа. Прошло двадцать два года, а полиция так и не продвинулась в расследовании, она еще дальше от цели, чем на первых порах, копы давно умыли руки. Когда мы поняли, что это так, я поклялась ни перед чем не останавливаться, чтобы найти убийцу.

– Полиция больше не ведет расследование?

Она сделала еще глоток.

– В какой-то момент прекратила. Дело все еще открыто, иногда я беседую с детективами. Я не держу на них зла, понимаете? Они сделали все, что могли при тех обстоятельствах, просто это было идеальное убийство. Как и все ему подобные.

Лейси тоже выпила вина.

– Идеальное убийство?

– Да. Без свидетелей, без криминалистической экспертизы, убийца остался неприкосновенен. И ни намека на мотив.

«Так чего вы хотите от меня?» – чуть было не спросила Лейси, но после очередного глотка вина сказала:

– Не уверена, что Комиссия по проверке действий судей Флориды способна расследовать старое дело об убийстве в Южной Каролине.

– Об этом я и не прошу. Ваши полномочия распростра-

ются на флоридских судей, заподозренных в правонарушениях, верно?

– Так и есть.

– Сюда относятся и убийства?

– Полагаю, да, хотя мы еще никогда таким не занимались.

Это, скорее, дело федеральных инстанций или даже ФБР.

– Были такие попытки. ФБР это неинтересно по двум причинам. Во-первых, это не вопрос федерального значения. Во-вторых, отсутствуют улики, которые связывали бы между собой разные убийства. ФБР и все остальные не в курсе, а я считаю, что речь идет о серийном убийце.

– Вы обращались в ФБР?

– Много лет назад. Мы, родственники убитого, отчаянно нуждались в помощи, но ничего не добились.

Лейси сделала новый глоток.

– Знаете, я уже волнуюсь. Давайте не будем торопиться. Вы считаете, что двадцать два года назад ныне действующий судья убил вашего отца. В момент убийства он уже был судьей?

– Нет, его избрали в две тысячи четвертом году.

Лейси опять осмотрелась. Некто, с виду лоббист, оказавшийся за соседним столиком, глазел на нее с откровенно вульгарной гримасой, обычной для завсегдаев Капитолия. В ответ она тоже уставилась на него в упор и, в конце концов, заставила отвернуться.

– Мне было бы удобнее беседовать где-нибудь в другом

месте. Здесь стало многовато народу, – тихо сказала она.

– Я арендовала небольшую переговорную комнату на втором этаже, – кивнула Джери. – Обещаю: там спокойно и безопасно. Если я попробую на вас напасть, вы закричите и убежите.

– Уверена, до этого не дойдет.

Джери заплатила за вино. Они покинули бар, вышли из атриума и поднялись по эскалатору в бизнес-мезонин, где Джери отперла дверь одной из переговорных. Там на столе лежало несколько папок.

Женщины сели за стол друг напротив друга. Обе могли при желании дотянуться до папок, лежавших сбоку от них. На столе не было ни ноутбуков, ни блокнотов. Сотовые телефоны остались в сумочках. Видно было, что здесь Джери чувствует себя увереннее, чем в баре.

– Мы беседуем не под запись, – начала она. – Сейчас, по крайней мере, не должно быть никаких заметок. Мой отец, Брайан Берк, уволился из Стетсонского университета в девяностом году. Он преподавал там почти тридцать лет и превратился в легенду, в обожаемого всеми профессора. Он и моя мать решили вернуться домой в Южную Каролину, в маленький городок Гаффни, где выросли. У них там было много родни и кое-какая полученная в наследство земля. Они построили милый маленький коттедж в лесу, высадили сад, стали ухаживать за моей бабушкой, маминой матерью, всегда жившей на этой земле. Потянулась вполне приятная пен-

сионная жизнь. У них не было ни проблем с деньгами, ни болезней, они стали активными прихожанами местной церкви. Отец много читал, писал статьи для юридических журналов, поддерживал связи со старыми друзьями и заводил в городке новых. А потом его убили. – Она потянулась за небольшой синей папкой толщиной в дюйм, похожей на остальные, и подвинула ее Лейси со словами: – Здесь подборка статей об отце, его карьере и гибели. Одни – из газет, другие скачаны из Интернета. В Сети этой подборки нет.

Лейси не стала открывать папку. Джери продолжила:

– Желтым стикером заложена фотография с места убийства отца. Я на нее насмотрелась, больше видеть не хочу. А вы взгляните.

Лейси хмуро уставилась на увеличенную цветную фотографию. Потерпевший лежал в траве с затянутой на шее врезавшейся в кожу тонкой веревкой. Веревка была с виду нейлоновая, синего цвета, вся в запекшейся крови. На затылке она была завязана толстым узлом.

Лейси закрыла папку и прошептала:

– Мне так жаль...

– Удивительно, как по прошествии двадцати двух лет человек учится подавлять свою боль, прятать ее подальше, забываться в работе. Но чуть что – все опять всплывает в памяти. Сейчас я в порядке, Лейси. Я беседую с вами, а это значит, что я не бездействую. Вы не представляете, сколько времени мне понадобилось, чтобы собраться для этого с си-

лами. Это так трудно, так страшно!

– Может быть, расскажете о самом преступлении?

Джери тяжело вздохнула.

– Хорошо, расскажу. Отец любил подолгу гулять в лесу за коттеджем. Мама часто составляла ему компанию, но она страдала артритом. Однажды чудесным весенним утром девяносто второго года он поцеловал ее на прощание, взял свою трость и зашагал по тропинке. Согласно вскрытию смерть наступила от удушения, но была также и рана на голове. Нетрудно предположить, что он с кем-то повстречался и что этот кто-то ударил его по голове, сбил с ног и задушил нейлоновой веревкой, а потом оттащил с тропы и сбросил в овраг, где тело обнаружили в конце дня. На месте преступления ничего не нашли – ни тупого предмета, ни отпечатка подметки, поскольку земля была сухая. Следов борьбы не было, не нашли ни волосков, ни каких-нибудь ниток. Вообще ничего. Сколько криминалисты ни возились с веревкой, проку не было никакого. Ее описание есть в папке. Коттедж стоит недалеко от города, но поблизости никто не живет, поэтому свидетелей не оказалось, никто не заметил ничего необычного: ни легковых или грузовых машин с номерами других штатов, ни рыскавших вокруг чужаков. Там много мест, где можно припарковаться, спрятаться, а потом незаметно убраться. За двадцать два года так ничего и не всплыло, Лейси. След давно остыл. Мы смирились с суровой реальностью: преступление так никогда и не будет раскрыто.

– Мы?

– Правильнее будет назвать это родео с одним ковбоем.

Моя мать пережила отца всего на два года. Она так и не оправилась от удара и быстро угасла от горя. Мой старший брат, он живет в Калифорнии, боролся несколько лет, но потом махнул рукой: устал от ответов полиции, что прогресса нет. Мы иногда беседуем, но избегаем упоминать отца. Так что я, можно сказать, осталась одна, и мне страшно одиноко.

– Звучит ужасно. Но от места преступления в Южной Каролине далековато до флоридского «отростка»¹. Где связь?

– Согласна с вами. Это всего лишь домыслы.

– С одними домыслами вы бы не отправились в такую даль. Как насчет мотива?

– С мотивом как раз полный порядок.

– Собираетесь поделиться?

– Не думаете же вы, Лейси, что я здесь сижу и безосновательно обвиняю кого-то в убийстве!

– Вы никого не обвиняете, Джери. У вас есть потенциальный подозреваемый, иначе вы не приехали бы. Назовите мне его имя, я никому его не раскрою, пока вы не разрешите. Это понятно?

– Да.

– Тогда вернемся к мотиву.

---

¹ Так называют узкую материковую часть штата Флорида, которая тянется на восток вдоль Мексиканского залива. Именуется также «кастрюльной ручкой». – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Мотив – это то, что гложет меня с самого начала. Я не нашла в окружении отца никого, кто бы испытывал к нему неприязнь. Он был преподавателем, получал хорошую зарплату и откладывал деньги. Никогда не делал вложений в сомнительные предприятия или в землю, презирал девелоперов и спекулянтов. Пара его коллег, тоже преподавателей права, потеряли деньги на фондовом рынке, на строительстве кондоминиумов и на прочих мутных схемах, и он не испытывал к ним сочувствия. У него не было бизнес-интересов, партнеров, долей в совместных предприятиях – ничего, что обычно порождает конфликты и врагов. Он ненавидел долги и вовремя платил по счетам. Насколько мы знаем, был верен жене и семье. Если бы вы знали Брайана Берка, то отвергли бы любое предположение, что он изменял жене. Стетсонский университет, где он трудился, был им доволен, студенты в нем души не чаяли. За тридцать лет преподавания ему там четырежды присваивали звание Выдающегося профессора права. Он регулярно отклонял предложения стать деканом, поскольку считал своим призванием преподавание и не хотел покидать аудиторию. Идеальным он не был, Лейси, но был чертовски к этому близок.

– Жаль, что я не была с ним знакома.

– Это был милый, совершенно очаровательный человек, как будто не наживший за долгие годы никаких врагов. Убили его не с целью ограбления: бумажник остался дома, с тела ничего не пропало. Несчастливым случаем это тоже явно не

было. Полиция с самого начала была в замешательстве.

– Но...

– Имеется «но», причем не одно. У меня есть только смутные догадки, больше ничего. Меня мучает жажда, а вас?

Лейси помотала головой. Джери принесла себе воду со льдом и снова села. Сделав глубокий вдох, она продолжила:

– Я уже говорила, что мой отец обожал аудиторию, обожал читать лекции. Для него это было театром одного актера. Он любил держать под полным контролем все вокруг: и материал, и особенно студентов. В малой аудитории на третьем этаже университета он царил десятилетиями. Теперь там висит табличка, аудитория носит его имя. Внутри нее расположены полумесяцем восемьдесят мест, и ни одно никогда не пустовало. Его лекции по конституционному праву были захватывающими, дерзкими, часто веселыми. Он обладал огромным чувством юмора. Любой студент просился к профессору Берку – он терпеть не мог, когда его называли «доктор Берк», и даже те, кто не проходил отбор, все равно охотно слушали его лекции по конституционному праву. Внештатные профессора, деканы, выпускники и бывшие студенты, бывало, соревновались, чтобы получить местечко, и довольствовались откидными сиденьями где-нибудь в последних рядах или проходах. Его лекции часто посещал президент университета, сам юрист. Представляете?

– Представляю, вернее, не могу себе представить. Лично я вспоминаю курс конституционного права с ужасом.

– Обычно так и бывает. Все восемьдесят студентов-первокурсников в его аудитории знали, что они счастливички, хотя он бывал с ними суров. Он требовал от них хорошей подготовки и умения четко высказать свои мысли.

При воспоминании об отце у Джери опять увлажнились глаза. Лейси улыбнулась и кивнула, пытаясь ее подбодрить.

– Отец любил читать лекции, а еще он любил сократовский метод преподавания: выбирал наугад студента и просил его кратко изложить вслух суть той или иной юридической коллизии. Если студент ошибался или невразумительно мямлил, то часто вспыхивала дискуссия, прямо как на судебном заседании. Я годами беседовала со многими его бывшими студентами. Все единодушно высказывали восхищение, но при этом содрогались, вспоминая свои попытки спорить о конституционном праве с самим профессором Берком. Его боялись и одновременно обожали. Его насильственная смерть шокировала их всех до одного. Кому взбрело в голову покуситься на жизнь профессора Берка?

– Так вы разговаривали с его бывшими студентами?

– Да. Я делала вид, что собираю воспоминания об отце для будущей книги. На это ушло много лет. Такой книги никогда не будет, но сослаться на эту идею в начале разговора было очень удобно. Стоило мне сказать, что я тружусь над книгой, как у людей развязывались языки. Его бывшие студенты прислали мне не меньше двух дюжин фотографий. Отец на выпуске. Отец пьет пиво на студенческом матче по софтбо-

лу. Отец председательствует на учебном судебном процессе. Нарезка из университетской жизни. Как же они его любили!

– Уверена, вы собрали целый альбом.

– А как же! Его при мне нет, но я с радостью его вам покажу.

– Может быть, позже. Мы заговорили о мотиве...

– Да. Много лет назад я беседовала в Орlando с адвокатом, когда-то учившимся у моего отца. Он упомянул о любопытном эпизоде. Был в его классе один ничем не выделявшийся студент. Однажды отец вызвал его при обсуждении дела, в котором играла важную роль Четвертая поправка – право обыска и задержания. Парень оказался подготовленным, но его убеждения противоречили словам моего отца, поэтому вспыхнул горячий спор. Отец любил, когда студенты распалились и давали ему отпор. Но тот парень в своих доводах перегнул палку, выказал излишний гонор, обмениваясь колкостями с профессором Берком, хотя тот сумел перевести все в шутку. На следующее занятие этот студент явился неподготовленным – решил, что его уже не вызовут. Но отец опять к нему прицепился. Бедняга сделал вывод, что к нему придираются, и вспылал. Проходит два дня, и профессор Берк в третий раз вызывает того же студента. Тот готов к бою. В конце концов отец загоняет его в угол. Спорить с профессором, много лет преподающим материал, по меньшей мере неосмотрительно, но парень уверен в себе. Дело кончается нокаутом – удачной шуткой, которую побежден-

ный воспринимает как унижение. Он хватает свой рюкзак и пулей вылетает из аудитории, громко хлопая дверью.

«Не уверен, что он годится для суда с участием присяжных», – сказал тогда мой отец, выдержав паузу. Аудитория разразилась таким хохотом, что тот студент не мог этого не услышать. Он прекратил изучение курса и повел контратаку: пожаловался сначала декану, потом президенту университета. Решив, что его превратили в посмешище, он в конце концов покинул Школу права университета и стал строчить письма выпускникам, политикам, другим профессорам. Потом принялся выкидывать странные номера: засыпал письмами моего отца. Они были здорово написаны, но слишком многословны. В них не содержалось угроз. Последнее его письмо, из частной психиатрической лечебницы близ Форт-Лодердейла, было написано от руки на тамошнем бланке. Бедняга утверждал, что страдает нервным расстройством, виновником которого был мой отец.

Она сделала паузу, чтобы выпить воды. Немного подождав, Лейси сказала:

- Вот оно что! Мотив – раздражение студента-юриста?
- Да, но все гораздо сложнее.
- Интересно, посмотрим. Что с ним было дальше?
- Дальше он поправился и доучился в юридическом университете в Майами. Теперь он судья. Понимаю ваш обоснованный скепсис, но он единственный подозреваемый, других просто нет.

– Почему вы сказали, что все гораздо сложнее?

Джери посмотрела на папки на краю стола. Их было пять штук, разных цветов, все в дюйм толщиной. Лейси проследила ее взгляд и, уловив подсказку, спросила:

– Тут материалы на пять других жертв того же самого убийцы?

– Если бы я так не думала, то не приехала бы.

– Уверена, вы нашли какую-то связь.

– Есть два момента. Начнем со способа. Все шестеро получили по голове, а потом были задушены нейлоновой веревкой одного типа. Веревка всегда врезалась в кожу шеи, всегда была завязана сзади одним и тем же узлом. Не иначе, визитная карточка! И у всех шестерых были трения с нашим судьей.

– Трения?

– Он хорошо их знал. И годами преследовал.

Лейси затаила дыхание, сглотнула, живот свело от страха. Во рту мгновенно пересохло, но она сумела выдать:

– Лучше не называйте его имя, кажется, я еще не готова...

Разговор надолго прервался, обе женщины уставились в стену. Наконец Лейси нарушила молчание:

– Знаете, с меня довольно на один день. Дайте переварить услышанное. Я вам позвоню.

Джери с улыбкой кивнула и как-то сразу успокоилась. Они обменялись номерами телефонов и расстались. Лейси почти бегом преодолела гостиничный холл, ей не терпелось за-

браться в свою машину.

Глава 3

Ее квартира представляла собой шикарное ультрасовременное жилище в недавно перестроенном складском здании неподалеку от кампуса Университета штата Флорида. Большую часть времени она жила здесь одна, деля кров только с несносным французским бульдогом Фрэнки. Песик вечно дежурил у двери, мечтая об орошении цветочных клумб, учинить каковое ему удавалось в любое время дня и ночи. Лейси выпустила его облегчиться, налила себе бокал вина, упала на диван и уставилась в большое зеркальное окно.

Было начало марта, дни становились длиннее, но оставались еще слишком короткими. Она выросла на Среднем Западе и не тосковала по холодным темным зимам, по снегу и мгле. Она полюбила «отросток» с его мягкими зимами, четко выраженной сезонностью и долгими теплыми днями весной. Еще две недели – и время поменяется, дни удлинятся, и студенческий город станет еще оживленнее: на задних дворах станут чаще жарить барбекю, у бассейнов чаще будут собираться шумные компании, на крышах начнут пить коктейли, при любой возможности горожане примутся утолять голод на открытом воздухе. Студенты и подавно будут нежиться на солнышке, оккупируют пляж и станут усиленно загорать.

Шесть убийств.

После двенадцати лет расследования всевозможных нарушений со стороны судей Лейси считала, что ее уже ничего не сможет поразить. Она повидала многое, ко многому привыкла и в какой-то степени утратила сочувствие и веру в искренность тех, кто приходил с жалобами. Вот и теперь она сомневалась в правдивости рассказанной Джери истории; собственно, точно так же она не спешила принять на веру любую ложившуюся на ее стол жалобу.

Но Джери Кросби явно не лгала.

Ее предположения могли быть ошибочными, подозрения необоснованными, а страхи беспочвенными. Но она твердо верила, что ее отца убил действующий судья.

Лейси ушла со встречи в «Рамаде» с пустыми руками. Единственная папка, которую она открывала, осталась у Джери. Теперь Лейси мучило любопытство. Она проверила телефон и нашла два пропущенных звонка от своего бойфренда Элли Пачеко. Он был в отъезде, с ним можно было поболтать позже. Лейси открыла ноутбук и приступила к поиску.

Двадцать второй судебный округ включал три административных округа в северо-западной части штата. Примерно 400 тысяч его жителей обслуживались избранными гражданами штата окружными судьями. За двенадцать лет службы в КПДС Лейси запомнились только два или три мелких дела в Двадцать втором. Пятнадцать судей из сорока одного были избраны в 2004 году, том самом, когда, по словам

Джери, занял судейское кресло ее подозреваемый.

Не прошло и десяти минут, как у Лейси появилось имя – Росс Бэнник.

Судье сорок девять лет, он уроженец Пенсаколы, выпускник Университета Флориды, упоминаний о жене и детях не было. Лаконичная биография на сайте судебного округа. Судя по фото, довольно интересный мужчина: темные глаза, мужественный подбородок, густые волосы с проседью. Лейси нашла его вполне привлекательным и удивилась, что он не женат. Возможно, разведен. Она порылась еще, не сильно углубляясь, но почти ничего больше не нашла. Судя по всему, все свои два с половиной судейских срока он умело избегал потенциально конфликтных ситуаций. Она обратилась к материалам КПДС, но и там не нашла на него жалоб. Юристам Флориды полагалось ежегодно оценивать – естественно, анонимно – работу судей, с которыми им приходилось иметь дело. За последние пять лет Бэнник удостоился от адвокатского сообщества звездной оценки А+. Комментарии были лучше некуда: деловой, пунктуальный, подготовленный, обходительный, профессиональный, смысленый, сострадательный, разумный, его называли даже «обладателем сокрушительного интеллекта». Всего двое судей в Двадцать втором округе, помимо Бэнника, удостоились столь же высоких оценок.

Она продолжила копать и в конце концов отрыла кое-какую грязь. 18 апреля 2000 года в газете «Пенсакола леджер»

появилась статейка о том, что местный тридцатипятилетний адвокат Росс Бэнник впервые для себя намерен занять имеющую отношение к политике должность: он затеял заменить старого судью в Двадцать втором судебном округе. Проблема возникла тогда, когда один из клиентов Бэнника, застройщик, предложил план строительства аквапарка на частном участке близ пляжа Пенсаколы. Этот план вызвал активное сопротивление, и в разгар подачи исков и связанного с ними шума выяснилось, что 10 процентов доходов от проекта должен был получать адвокат Бэнник. Факты так и не были широко обнародованы, но утверждалось, что он пытался утаить свою заинтересованность. Его противники воспользовались моментом и развернули агрессивную контркампанию. Судя по одному из номеров той же самой газеты, фактов было явно недостаточно, однако, судя по всему, он не нарушал закон. Тем не менее Бэнник был разбит своим соперником – прежним весьма пожилым судьей.

Нашла Лейси и материалы прессы по выборам 2004 года. Там фигурировала фотография завершавшего исполнение своих обязанностей судьи, девяностолетнего старца, если не больше, и две заметки про его ухудшающееся здоровье. Бэнник провел образцовую кампанию, и претензии четырехлетней давности были, видимо, забыты. Он выиграл гонку, получив на тысячу голосов больше, чем соперник, который спустя три месяца скончался.

Лейси почувствовала, что голодна, и достала из холодиль-

ника остатки запеканки. Элли отсутствовал уже три дня, и все это время Лейси ничего не готовила. Она подлила себе вина и перешла за кухонный стол. В 2008 году у Бэнника не было соперников при переизбрании. Действующие окружные судьи редко сталкиваются с серьезной оппозицией как во Флориде, так и в других штатах. Казалось, его ожидает безоблачная многолетняя судейская карьера.

Телефон ожил, и она вздрогнула от неожиданности. Она так увлеклась, что забыла про запеканку. Этот абонент звонил ей впервые.

– Ну как, уже узнали, как его зовут? – поинтересовалась Джери.

Лейси с улыбкой ответила:

– Это было несложно. Университет Майами, Двадцать второй судебный округ, избран в две тысячи четвертом году. Выбор сузился до одного-единственного человека.

– Хорош собой, правда?

– Это да. Почему не женат?

– Не стройте иллюзий.

– Я и не строю.

– У него давняя проблема с женщинами.

Лейси тяжело вздохнула.

– Полагаю, сами вы с ним не встречались?

– Конечно нет! Я не подошла бы к нему и на пушечный выстрел. Он повсюду понатыкал камер слежения: в зале суда, у себя в кабинете, дома.

– Дикость какая!

– Это еще мягко сказано.

– Вы за рулем?

– Еду в Пенсаколу, а оттуда, наверное, подамся в Мобил.

Вряд ли вы найдете возможность встретиться со мной завтра.

– Где?

– В Пенсаколе.

– Это в трех часах езды отсюда.

– А то я не знаю!

– Какой была бы цель нашей встречи?

– У меня в жизни одна цель, Лейси, сами знаете какая.

– Завтра у меня напряженный день.

– А разве у вас бывают другие?

– Боюсь, нет.

– Тогда внесите меня в ваше расписание и дайте знать, когда мы могли бы там встретиться.

– Договорились.

Повисла длинная пауза. Наконец Лейси не выдержала и спросила:

– Вы еще на линии?

– Да, извините, опасно отвлекаться от дороги. Вы много накопили в Интернете?

– Кое-что. Заметки в «Пенсакола леджер» о его избрании.

– Прочли про сделку с землей в двухтысячном году, про жулика застройщика? Та оплошность не позволила ему из-

браться.

– Да, прочла.

– У меня все они под одной обложкой, захотите ознакомиться – милости прошу.

– Наверное, захочу.

– Того репортера звали Дэнни Кливленд, он был откуда-то с севера. Он шесть лет корпел в «Пенсакола леджер», потом куда-то перешел. Последнее место его работы – газетенка в Литл-Роке, штат Арканзас.

– В каком смысле последнее?

– В прямом. Найден в своей квартире задушенным. Такая же веревка, тот же самый оригинальный узел – у моряков он называется «двойной мертвый», такие редко встречаются. Еще одна неразгаданная загадка, еще один безнадежный «висяк».

Лейси хотела ответить, но запнулась, заметив, что у нее дрожит левая рука.

– Вы меня слушаете? – спросила Джери.

– Конечно. Когда это произошло?

– В две тысячи девятом. Не было найдено ни одной улики.

Вообще-то, Лейси, мы слишком увлеклись разговором по телефону. Я бы предпочла очную ставку. Дайте знать, когда мы сможем снова встретиться. – И она резко оборвала беседу.

Роман Лейси с Элли Пачеко тянулся уже третий год и, по ее мнению, зашел в тупик. Ему было тридцать восемь лет,

и он все еще не пережил до конца психологические травмы своего ужасного первого брака, завершившегося одиннадцать лет назад, хотя отрицал это даже на приеме у психотерапевта. Брак продлился всего четыре месяца и, на счастье, не привел к беременности жены.

Главным препятствием для более серьезных отношений служил становившийся все более очевидным факт: оба ценили свободную, самостоятельную жизнь. Лейси после окончания школы не делила кров с мужчиной – и не собиралась. При всей любви к своему отцу она помнила его как отъявленного мачиста, третировавшего жену как служанку. Ее мать, неизменно угодливая, не держала на него зла и только шептала: «Уж из такого он поколения...»

Слабая отговорка, которую Лейси поклялась не принимать. Элли был совсем другим: добрым, участливым, веселым и в большинстве случаев внимательным к ней. А еще он был специальным агентом ФБР и в эти дни пропадал на юге Флориды – преследовал наркоторговцев. В те редкие моменты, когда активные операции приостанавливались, его подключали к работе против террористов. Поговаривали даже, что скоро его куда-то переведут. За восемь лет службы он собрал целый букет лестных рекомендаций и был верным кандидатом на повышение. Так, по крайней мере, считала Лейси.

Элли держал у нее в ванной свою зубную щетку и бритвенный набор, а в шкафу – кое-какую одежду, чтобы при же-

лании у нее переночевать. Она тоже обозначила свое присутствие в его квартирке в пятнадцати минутах езды: пижама, старые тапочки, ношенные джинсы, зубная щетка, модные журналы на кофейном столике. Оба не были ревнивы, но каждый на всякий случай «метил» территорию другого.

Лейси шокировало бы известие, что Элли спит с другими женщинами. Это было и не в его стиле, и не в ее. При его разъездах и напряженном графике обоих каждый делал все, чтобы другой не ходил на сторону. Для этого требовалось все больше усилий, поскольку, как сказала близкая подруга Лейси, оба они «приближались к среднему возрасту». Услышав эти слова в первый раз, потрясенная Лейси целый месяц гоняла Элли из своего кондоминиума в его квартиру и обратно, пока оба не утомились и не запросили передышку.

Он позвонил в 7.30, они немного поболтали. Он занимался «наблюдением», что бы это ни значило, и был скуп на слова. Она знала, что он находится где-то в районе Майами. Оба сказали «люблю тебя» и разъединились.

Опытный агент, помешанный на своей карьере, и образцовый профессионал, Элли мало рассказывал о своей работе – во всяком случае, Лейси. Шапочным знакомым он вообще не признавался, где работает. Если к нему приставали, то он отделялся стандартным ответом: «В охране». Это слово он произносил так веско, что все расспросы прерывались. Его друзья тоже были агентами. Иногда, правда, немного выпив, он несколько снижал планку и рассказывал в общих чертах

о своей работе. Она была опасной, и он, как большинство агентов, жил на чистом адреналине.

По сравнению с этим занятия Лейси были прозаичными: разбор жалоб на судей-пьяниц, мздоимцев, волынщиков, позволяющих себе пристрастность, лезущих в местную политику.

Шесть убийств внесли бы в эту рутину долгожданное разнообразие.

Она отправила своей начальнице имейл: решила, дескать, взять завтра отгул. В течение года она могла четыре раза брать отгулы, не объясняя причин, но обычно не брала даже одного; с прошлого года у нее оставалось еще целых три.

Позвонив Джери, Лейси договорилась о встрече на следующий день, в час дня в Пенсаколе.

Глава 4

Если бы не Фрэнки, день ее отгула начался бы с длительного утреннего сна. Но об этом оставалось только мечтать. Еще до рассвета негодник устроил шум, намекая, что его пора выпустить. Затем Лейси, растянувшись на диване, попробовала еще вздремнуть, но очень скоро Фрэнки решил, что пришло время завтрака. Пришлось Лейси, взбадривая себя кофе, наблюдать неторопливый восход.

Раздумывая то о предстоящей встрече, то о перспективах своей карьеры – через семь месяцев ей исполнялось сорок лет, – она немного взгрустнула. Впрочем, в целом она была довольна жизнью, но сознавала, что время идет, а планов выйти замуж так и нет. Заводить собственных детей Лейси не хотела и уже решила, что этого никогда не случится. У всех ее подруг были дети, у некоторых уже подростки, и она порой испытывала облегчение, оттого что избавлена от подобного груза. Лично у нее ни за что не хватило бы духу растить детей в эпоху смартфонов, наркотиков, секса с пол-оборота, социальных сетей и всего остального в Интернете.

Лейси пришла в КПДС двенадцать лет назад. Давным-давно надо было оттуда сбежать, как поступили практически все ее знакомые из числа коллег. В КПДС хорошо было начинать карьеру, но для любого серьезного юриста эта контора становилась тупиком. Ее лучшая университет-

ская подруга уже была партнером в крупной компании в Вашингтоне, но диктуемый подобным положением стиль жизни Лейси совершенно не устраивал. Чтобы продолжать общение, надо было очень стараться, и Лейси часто спрашивала себя, стоит ли оно того. Другие ее давние подруги разлетелись по стране, погрузились в работу, а со временем и в семейные заботы.

Лейси не очень хорошо понимала, чего хочет, поэтому слишком задержалась в КПДС и теперь подозревала, что упустила немало перспективных вариантов. Крупнейшее ее дело, апофеоз карьеры, осталось позади. Три года назад она возглавила расследование, выведшее на чистую воду окружного судью и приведшее к самому громкому юридическому скандалу в истории Флориды. Судью поймали с поличным, заодно был разоблачен целый преступный синдикат, выживавший миллионы из индейского казино. Преступников на долгие годы рассовали по федеральным тюрьмам.

Дело было сенсационным, благодаря ему КПДС ненадолго оказалась в лучах славы. Бывшие коллеги Лейси перепрыгнули на волне успеха на более престижные должности. Законодатель в свою очередь проявил свою благодарность тем, что опять урезал комиссии бюджет.

Апофеоз карьеры дорого ей обошелся: она поплатилась тяжелым ранением в подстроенной аварии рядом с казино, несколько недель пролежала в больнице, потом потеряла месяцы, проходя физиотерапию. Раны затянулись, но боль и

скованность в суставах остались. Та авария стоила жизни Хьюго Хэтчу, ее другу, коллеге и пассажиру. Его вдова затеяла судебный процесс из-за причинения смерти по неосторожности, Лейси тоже судилась из-за полученных травм. Тяжба выглядела многообещающей, брезжило выгодное досудебное соглашение, но, как нередко бывает с гражданскими исками, процессу не было видно конца.

Не думать о досудебном соглашении было невозможно. Куча денег была уже почти на столе – конфискованные государством несправедливо добытые средства. Но сами дела – и уголовные, и гражданские – были очень непростыми. Хватало и пострадавших, и их голодных адвокатов, нацелившихся на наличные.

Дело Лейси еще не дошло до суда, и ее с самого начала предупреждали, что этого вообще может не произойти. Ее адвокат не скрывал, что ответчиков страшит перспектива очутиться перед присяжными и попытаться обелить себя как инициаторов убийства Хьюго и покушения на ее жизнь. Переговоры по достижению соглашения должны были начаться со дня на день, и даже первоначальные предложения могли превысить семизначные цифры.

Когда тебе исполняется сорок, это само по себе травма, но когда у тебя кругленький счет в банке, это отчасти снимает ее остроту. У Лейси была достойная зарплата, кое-какое наследство от матери, сбережения – и никаких долгов. Деньги по досудебному соглашению позволили бы ей сделать реше-

тельный шаг вперед и превратиться в хозяйку собственной жизни. Она не знала, куда бы это ее завело, но мечтать о подобном уже было удовольствием. Нельзя было не улыбаться при одной мысли, что дни ее службы в КПДС сочтены. Приближалось время начинать новую жизнь, и от самых разных предчувствий у нее кружилась голова.

Но пока нужно было завершить кое-какие дела, расследовать действия нескольких судей. Она привыкла начинать день с мотивационного обращения к самой себе, чтобы заставить себя тащиться на работу, но в этот раз обошлось без самоистязания. Ее заинтриговала и сама Джери Кросби, и ее почти фантастический рассказ о судье-убийце. Лейси не была уверена в правдивости этой истории, но любопытство подгоняло сделать следующий шаг. Что, если все это правда? Что, если новый взлет затмит прежний успех в карьере Лейси Штольц? Вдруг впереди еще один миг славы, раскрытие полудюжины «висяков» и кричащие заголовки?

Она приказала себе немедленно спуститься с небес на землю.

Наскоро приняв душ и немного поколдовав с волосами и с макияжем, Лейси натянула джинсы, обулась, оставила еды и воды для Фрэнки и убежала. На первом же перекрестке она проехала на желтый свет и тут же вспомнила свою аварию. Странно, как некоторые ориентиры вызывают определенные воспоминания; каждое утро она, глядя на этот светофор, знала, что именно вспомнит в следующую секунду.

Воспоминание было мгновенным и сразу отступало – до следующего утра. От пережитого кошмара Лейси отделяло уже три года, но она все еще водила машину предельно осторожно, никогда не превышая скорость.

На западной окраине города, далеко от Капитолия и от кампуса, она свернула к старому торговому центру, поставила машину на стоянку и в 8.05 вошла в кафе «У Бонни», знаменитом своими завтраками. Здесь встречались все кто угодно, кроме студентов и лоббистов. Сейчас тут, как водится, толпились коммивояжеры и копы. Лейси взяла газету и нашла себе местечко в углу, недалеко от окна в кухню, через которое официантки подавали сигналы поварам, на что те откликались цветистыми комментариями. Среди заказов лидировали яйца пашот и легендарные тосты с авокадо – раз в месяц Лейси позволяла себе это лакомство. В ожидании завтрака она проверила свою электронную почту и эсэмэс-сообщения и с облегчением убедилась, что с ответами можно подождать целые сутки. Она написала Даррену, что пропустит этот день.

Он ответил быстро – вопросом, не увольняется ли она.

Такое уж было настроение в КПДС в эти дни. Те, кто еще там оставался, подозревались в планах бегства.

В 9.30 Лейси уже ехала по автостраде номер 10 на запад. Дело было во вторник 4 марта. Каждую неделю в этот день и час она ждала звонка от своего единственного брата Гюнте-

ра. Старший брат жил в Атланте, где занимался недвижимостью. Независимо от состояния рынка он всегда пребывал в приподнятом настроении и в ожидании новой крупной сделки; Лейси давно устала от всех этих планов, но выбора не было, приходилось его выслушивать. Он беспокоился за нее и не уставал намекать, что ей пора бросить свою работу и перебраться к нему, чтобы заколачивать крупную деньгу. Эти намеки она всегда вежливо отклоняла. Гюнтер ходил по туго натянутому канату, с наслаждением занимая деньги в одном банке, чтобы расплатиться с другим, и всегда на один шаг опережая адвокатов по банкротствам. Строительство новых торговых центров в пригороде Атланты было последним, что Лейси могла представить для себя в качестве средства заработать на жизнь, а уж занять боссом Гюнтера было ее еженощным кошмаром.

Они всегда были близки, но еще сильнее сблизились после скоропостижной смерти матери семь месяцев назад. Лейси подозревала, что брат сильно интересуется ее иском. Гюнтер не сомневался, что ей светят миллионы, и завел докучливую привычку донимать младшую сестренку советами по инвестированию. Поэтому Лейси заранее опасалась, что наступит день, когда он попросит дать ему взаймы. Гюнтер жил в мире долгов и пообещал бы Луну достать с неба в качестве гарантии.

– Привет, сестренка, – жизнерадостно начал он. – Как делишки?

– Я в порядке, Гюнтер, а как ты?

– Вот-вот поймаю удачу за хвост. Как Элли? Как твоя личная жизнь?

– Да сплошная рутина. Он часто в командировках. Как твоя?

– Ничего особенного. – Гюнтер недавно развелся и теперь преследовал женщин с тем же воодушевлением, что и банки. Слушать подробности ей не хотелось. После двух его неудачных браков она советовала ему быть разборчивее, однако он раз за разом пропускал ее слова мимо ушей.

– Похоже, ты за рулем, – сказал он.

– Да, еду в Пенсаколу, беседовать со свидетелем. Ничего примечательного.

– Ты всегда так говоришь. По-прежнему ищешь новую работу?

– Я никогда не говорила, что ищу новую работу. Другое дело, что теперешняя мне немного наскучила.

– Здесь больше движухи, детка.

– Наслышана. Полагаю, ты не связывался с тетей Труди.

– Лично у меня нет такого желания.

Труди, сестра их матери, неутомимая хлопотунья, не жалела сил для цементирования семьи. Она горько оплакивала скоропостижную смерть сестры и постоянно делилась своей безутешностью с племянницей и племянником.

– Она звонила два дня назад и плакала навзрыд, – сообщила Лейси.

– Как обычно. Потому я и не могу с ней разговаривать. Странно, да? Мы почти не общались с ней, пока была жива мама, а теперь ей захотелось дружить с нами.

– Ей плохо, Гюнтер. Войди в ее положение.

– Кому сейчас хорошо? Так-так, у меня другой звонок... Это банкир, хочет перевести мне денег. Это важно, я перезвоню. Люблю тебя, сестренка.

– И я тебя.

Их беседы по вторникам чаще всего прерывались вот так резко, когда ему поступал более важный звонок. Лейси с облегчением переводила дух, когда он не успевал завести разговор о ее иске. Она перезвонила Даррену в офис и подтвердила, что завтра выйдет на работу. Затем позвонила Элли и оставила голосовое сообщение. Потом отключила телефон и нажала кнопку стереосистемы. Включилась запись лондонского концерта Адель.

Глава 5

Благодаря джи-пи-эс Лейси легко отыскала кладбище Бруклиф в старом районе Пенсаколы и заехала на пустую стоянку. Впереди громоздилось квадратное, похожее на бункер сооружение, не иначе, мавзолей, а дальше простерлись многие акры надгробий и памятников. В этот день хоронили вяло, и Лейси увидела всего один катафалк.

Она приехала на десять минут раньше, поэтому позвонила Джери.

– Вы в бронзовом «Субару»? – спросила та.

– Да, а вы?

– Уже на кладбище. Войдите в главные ворота и пройдите старые могилы.

Лейси побрела по мощеной аллее, вдоль выцветших надгробий и семейных склепов, мест упокоения видных фигур минувших столетий. Чем дальше, тем заметнее надгробия утрачивали величие. Наконец, потянулись скромные захоронения последних десятилетий. Аллея повернула влево, и из-за деревьев появилась Джери Кросби.

– Привет, Лейси, – сказала она с улыбкой.

– Привет, Джери. Почему мы встречаемся на кладбище?

– Я знала, что вы спросите. Допустим, ради конфиденциальности, для разнообразия, да мало ли, какие могут быть причины...

– Опустим причины.

– Хорошо, нам сюда.

Они миновали еще сотни надгробий, вдали виднелись тысячи других. Неподалеку трудилась под лиловым тентом бригада могильщиков, в их сторону уже несли очередного покойника в гробу.

– Вот сюда. – Джери свернула с аллеи и стала кружить среди могил. У места последнего упокоения семьи Ливуд она остановилась и кивнула. Отец, малышка дочь, сын Тэд, родившийся в 1950 году и проживший сорок один год.

Лейси осмотрела надгробный памятник и уже приготовилась задавать вопросы, но они не понадобились.

– Тэд вырос здесь поблизости, уехал учиться в колледж, вернулся, стал работать в социальной службе. Был холостяком, вожатым отряда бойскаутов, обожал работу с детьми: играл с ними в бейсбол, учил слову Божьему и так далее. Жил один в квартирке неподалеку отсюда. Лет в двадцать пять стал вожатым отряда семьсот двадцать два, одного из старейших здесь. Он уделял этому занятию свое время, потому что, думаю, очень его любил. Многие его бывшие бойскауты все еще по нему горюют, но многие совсем нет. Примерно в одна тысяча девятьсот девяностом году он внезапно уехал из-за возникших слухов о приставаниях и извращениях. Разразился скандал, полиция начала расследование, но оно ничего не дало, поскольку пострадавшие взяли свои заявления назад. Они не виноваты – кому захочется такого

внимания к себе? После бегства Тэда из города шум утих, предполагаемые жертвы как воды в рот набрали. Полиция утратила интерес к делу. После смерти Тэда его закрыли.

– Он умер молодым, – заметила Лейси, ожидая продолжения.

– Так и есть. Некоторое время он жил в Бирмингеме, потом неоднократно переезжал. Его нашли в Сигнал-Маунтин, городке близ Чаттануги. Он обитал в крохотной квартирке и работал на автопогрузчике. Как-то вечером вышел пробежаться и не вернулся домой. Дети нашли его тело в зарослях. Снова веревка на шее, сильный удар по голове, потом удушение. Как я понимаю, он стал первым, но кто знает...

– Уверена, у вас собрано немало материалов о деле.

– О да. Об этом написала газета в Чаттануге, потом сюжет подхватила местная «Леджер», поместившая короткий некролог. Родные привезли тело и провели простую церемонию прощания. Вот и все. Насмотрелись?

– Думаю, да.

Они вернулись к своим машинам.

– Садитесь, я поведу, – предложила Джери. – Немного прокатимся. Вы обедали?

– Нет, но я не голодна.

Они сели в белую «Тойоту-Камри» Джери. Она вела машину крайне осторожно, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида.

– Можно подумать, вас кто-то преследует, – не выдержала

Лейси.

– Так я живу, Лейси. Здесь мы на его территории.

– Вы серьезно?

– Серьезнее не бывает. Я уже двадцать лет выслеживаю убийцу и иногда думаю, что он тоже меня выслеживает. Он где-то неподалеку, и он хитрее меня.

– Он же не преследует вас?

– Не вполне в этом уверена.

– Вы не знаете точно?

– Нет, не знаю.

Лейси прикусила язык.

Через несколько кварталов Джери повернула на широкую улицу и указала кивком на церковь:

– Методистская церковь Вестбурга, одна из крупнейших в городе. На первом этаже большой зал, там всегда собирался отряд семьсот двадцать два.

– Могу я предположить, что Росс Бэнник был скаутом в этом отряде?

– Можете.

Они миновали церковь и попетляли по ближайшим улицам. Лейси с трудом сдерживалась, чтобы не засыпать Джери вопросами. Было ясно, что та ведет рассказ в собственном темпе. Они повернули на милую тенистую улицу Хэмлок с хорошо сохранившимися довоенными домами, узкими подъездными дорожками и клумбами у веранд.

– Вон в том голубеньком домике слева жила семья Бэн-

ник. Росс вырос там. Как видите, он мог ходить пешком в школу, в церковь, на собрания бойскаутов. Его родители умерли, дом перешел его сестре. Она старше Росса. Ему досталась в наследство земля в соседнем округе Чавес, там он и живет. Один. Закоренелый холостяк.

Они проехали мимо дома.

– Их семья была на виду?

– Отец, всеми уважаемый врач-педиатр, умер в возрасте шестидесяти одного года. Мать была эксцентричной художницей, она сошла с ума и умерла в лечебнице. В прежние времена семья пользовалась известностью. Они были прихожанами епископальной церкви здесь, за углом. Очевидно, это и тогда был приятный, уютный район.

– Что-нибудь указывает на то, что к Россу Бэннику приставал Тэд Ливуд?

– Нет никаких улик. Я еще вчера вам говорила: нет ровным счетом ничего. Одни предположения на основе ничем не подкрепленных версий.

Лейси с трудом удержалась от саркастического возгласа. Повернув на еще одну широкую улицу, они несколько минут ехали молча. Потом Джери опять свернула, улицы стали поуже, дома поменьше, а лужайки приобрели заброшенный вид. Указывая вправо, она сказала:

– Видите белый каркасный дом, а перед ним коричневый пикап? Там жили Ливуды. В этом доме вырос Тэд. Он был на пятнадцать лет старше Росса.

Когда они удалялись от дома, Лейси спросила:

– Кто там живет сейчас?

– Не знаю. Не важно. Никого из Ливудов больше нет в живых.

На перекрестке Джери повернула и зигзагами удалилась от жилых кварталов. На загруженном шоссе, ведущем на север, Лейси поинтересовалась:

– Долго еще ехать?

– Скоро приедем.

– Ладно. Можно я пока кое о чем спрошу?

– Почему нет? Спрашивайте.

– Место преступления в Сигнал-Маунтин, расследование... Что вам обо всем этом известно?

– Почти ничего. Там бывает много бегунов и просто гуляющих, тем не менее свидетелей не оказалось. Вскрытие показало, что убийство произошло между семью и восемью вечера, в теплый октябрьский день. Ливуд ушел со склада ровно в пять минут шестого, в свое обычное время. Он жил один, был одиночкой, почти не имел друзей. Где-то в шесть тридцать сосед видел, как он начинал пробежку. Как утверждает полиция, больше его никто не видел. Он жил на краю города, недалеко от того места, где начинается пешеходная дорожка.

После Пенсаколы дорога очистилась. Появился щит: «КАЛМЕН, 8 МИЛЬ».

– Как я понимаю, мы едем в Калмен? – спросила Лейси.

– Да. Через две мили будем в округе Чавес.

– Жду не дождусь.

– Терпение, Лейси. Для меня все это непросто. Вы – единственная, с кем я откровенна. Вам придется мне довериться.

– Место преступления...

– Да, вернемся к месту преступления. Итак, полиция ничего не нашла: ни волосков, ни фрагментов ткани, ни тупого предмета, – только нейлоновую веревку на шее, завязанную тем самым узлом, двойным морским.

– Это была нейлоновая веревка того же типа?

– Да, именно такая.

Судя по дорожному указателю, они уже находились в округе Чавес.

– Мы едем в гости к судье Баннику? – задала вопрос Лейси.

– Вот уж нет!

Они повернули на четырехполосное шоссе и поехали по пригородам Калмена мимо ресторанов фастфуда, мотелей, торговых центров.

– Чем занималась полиция? – спросила Лейси.

– Все как обычно: копы искали, ходили от двери к двери, беседовали с любителями бега и прогулок, с коллегами убитого. Нашлась пара его приятелей. Обыск в его квартире не выявил никаких пропаж, поэтому из числа мотивов было вычеркнуто ограбление. Полицейские сделали все, что могли, но результатов не получили.

– Это было в девяносто первом году?

– Да. Совершенно тупиковое дело, ни малейших зацепок.

Лейси уже научилась терпению и в промежутках между вопросами набирала в легкие воздуха.

– Уверена, все материалы сложены у вас в отдельную папку.

– Так и есть.

– Как вы добываете сведения у полиции? Они так ревностно охраняют информацию!

– Я делаю запросы, ссылаясь на закон о свободе информации. Они бывают уступчивы, но, конечно, всего никогда не дадут. Им достаточно заявить, что идет следствие – и все, дверь захлопывается. Но в случаях со старыми делами они иногда ослабляют хватку. А еще я веду с ними беседы...

– Следов при этом не оставляете?

– Может, и оставляю...

Они покинули автостраду и повернули по стрелке «Исторический центр».

– Бывали раньше в Калмене? – осведомилась Джери.

– Как будто нет. Я проверяла вчера вечером: за последние двадцать лет у КПДС не было здесь ни одного дела. Несколько дел в Пенсаколе, но округ Чавес отличается спокойствием.

– За сколько округов вы в ответе?

– Их у меня многовато. В офисе в Таллахасси у нас четверо расследователей, в Форт-Лодердейле – трое. Семеро –

на шестьдесят семь административных округов, а это тысяча судей и шестьсот залов судебных заседаний.

– Но вы справляетесь?

– Чаще всего да. На наше счастье, подавляющее большинство судей не допускают злоупотреблений, паршивые овцы – это исключения из правила.

– Одну я вам нашла.

Лейси не ответила. На Мейн-стрит Джери совершила поворот, потом опять повернула и задержалась на перекрестке. Через дорогу находился въезд в обнесенный оградой жилой комплекс. За воротами виднелись современные дома, кондоминиумы, аккуратные маленькие лужайки.

– Доктор Бэнник приобрел этот участок сорок лет назад, – начала Джери. – Это оказалось хорошим вложением. Росс жил здесь. Ближе нам не подобраться из-за камер наблюдения.

– Ближе и не надо, – отозвалась Лейси. Ей хотелось спросить, зачем ей знать, где жил Росс, но она удержалась. На обратном пути она сказала: – Предлагаю заехать в полицию. А как вам удастся не оставлять следов, даже беседуя с ними?

Джери усмехнулась, пожалуй, даже улыбнулась, что случилось с ней редко.

– Я создала вымышленный мир, в котором играю множество ролей: независимой журналистки, криминального репортера, частного детектива, романистки. У каждой свое имя и адрес. Здесь я выдала себя за криминального репорте-

ра из Мемфиса, разрабатывающего сюжет нераскрытых дел в Теннесси. Дала начальнику полиции свою визитную карточку, номер телефона и электронную почту. Все это мужчины, слабый пол, сами понимаете. Пара дружеских бесед – и они сами все выкладывают.

– Сколько у вас телефонов?

– Даже не знаю. Не меньше полудюжины.

Лейси недоверчиво покачала головой.

– Плюс ко всему не сбрасывайте со счетов то, что это совершенно забытое дело. Его не зря отнесли к «виснякам». Поняв, что отсутствуют зацепки, копы быстро утратили к нему интерес. Потерпевший из другого города, нет родственников, которые их тормозили бы. Преступление выглядело совершенно заурядным, с нулевой перспективой раскрытия. В некоторых случаях полиция даже приветствует свежий взгляд на старые дела.

Они опять ехали по Мейн-стрит, через исторический район. Впереди, в географическом центре города, выросло величественное, в античном стиле здание суда. Вся площадь вокруг него была занята магазинами и всевозможными офисными постройками.

– Здесь он работает, – сказала Джери, глядя на суд. – Заходить туда мы не станем.

– Я увидела достаточно.

– Там всюду камеры.

– Вы серьезно думаете, что Бэнник вас узнал бы? Да

бросьте! Вы никогда не встречались, он понятия не имеет, кто вы и что у вас не уме. Или я не права?

– Правы, но зачем рисковать? Однажды, несколько лет назад, я осмелилась сюда войти. Это был первый день его нового судейского срока, кругом толпился народ, больше сотни кандидатов в присяжные. Я стояла в толпе и озиралась. Его судебный зал на третьем этаже, кабинет – в конце вестибюля. Это трудно вынести: ты находишься почти рядом с убийцей своего отца!

Лейси поразила ее уверенность. Не имея доказательств и даже незначительных улик, Джери была убеждена, что Бэнник – убийца, а от Лейси она ожидала проявления искренней заинтересованности, раскрытия истины и установления справедливости.

Они описали по площади круг и уехали из центра.

– Хочу выпить кофе, – сообщила Джери. – А вы?

– И я. Экскурсия завершена?

– Да. Но осталось еще много тем для разговора.

Глава 6

На выезде из города они остановились около сетевого ресторана и прошли внутрь. В 2.30 дня там никого не было. Они устроились в углу, подальше от пустующей стойки. У Джери была при себе большая сумка – с папками, решила Лейси. Они заказали кофе и стали ждать, цедя воду со льдом.

– Вы несколько раз сказали, что Тэд Ливуд первый. А кто оказался вторым?

– Я не знаю в точности, сколько всего жертв, поэтому не могу быть уверена, что первым был Тэд. Пока я насчитала шесть убитых. Тэд погиб в девяносто первом. Думаю, вторым спустя год стал мой отец.

– Понятно. Вы все еще не хотите, чтобы я делала записи?

– Еще нет.

– Репортера Дэнни Кливленда убили в две тысячи девятом году. Он был третьим?

– Вряд ли.

Лейси невольно вздохнула.

– Простите, Джери, но вы испытываете мое терпение. Я уже близка к отчаянию.

– Терпение! Третьей, во всяком случае, в моем списке, стала девушка, с которой он водил знакомство, когда учился на юриста.

– Девушка?

– Да.

– Ее-то он за что убил?

Принесли кофе, и они замолчали. Джери неторопливо добавила себе в чашку сливок. Осмотревшись, она сказала:

– Ее мы отложим на потом. Мы уже обсудили троих, на сегодня этого достаточно.

– Как хотите. Просто мне любопытно: по следующим троим у вас больше доказательств, чем по первой троице?

– Я бы так не сказала. Есть мотив и метод. Это все. Но я уверена, все убийства связаны с Бэнником.

– Поняла вас. Он уже десять лет служит судьей. Вы подозреваете его в совершении убийств в должности судьи? Иными словами, он остается судьей-убийцей?

– О да. Последнее убийство он совершил два года назад. Жертва – юрист на пенсии, житель Флорида-Кис. Бывший сотрудник крупной фирмы, найден задушенным на собственном рыбацком катере.

– Это дело я помню. Кажется, его фамилия была Кронкайт.

– Кронк, Перри Кронк. В возрасте восьмидесяти одного года он поймал свою последнюю рыбу.

– Это стало сенсацией!

– Да, во всяком случае в Майами. Там убивают больше юристов на душу населения, чем где-либо еще. Сомнительное достижение, да?

– Контрабанда наркотиков...

– Она самая.

– И где тут связь с Бэнником?

– Летом восемьдесят девятого он был практикантом в компании Кронка, а потом остался без работы. Наверное, это здорово его зацепило, раз он ждал двадцать лет, прежде чем отомстить. Выдающееся терпение, Лейси!

Лейси не сразу переварила эту мысль. Держа чашку кофе на весу, она смотрела в окно. Наклонившись к ней, Джери продолжила:

– По-моему – а я теперь кто-то типа эксперта по серийным убийствам, – на сегодня это его крупнейшая ошибка. Он убил имевшего немало друзей старика юриста, обладавшего в прошлом безупречной репутацией. Две его жертвы оказались людьми со статусом: мой отец и Кронк.

– Между этими двумя убийствами прошло двадцать лет.

– Да, таков уж его почерк, Лейси. Необычно, но не сказать, что совсем уж нехарактерно для социопатов.

– Извините, я еще не освоилась с этим жаргоном. Обычно я имею дело с умственно полноценными судьями. Когда они оступаются, то это чаще всего игнорирование тех или иных судебных дел или смешение судебных обязанностей с бизнесом.

Джери понимающе улыбнулась и отпила кофе. Еще раз осмотревшись, она сказала:

– У психопата сильное умственное расстройство и асоциальное поведение. Социопат – это психопат на стероидах. Не

вполне медицинское определение, зато близкое к истине.

– Вы говорите, я просто послушаю.

– По моей версии, Бэнник составил список людей, которые его обижали или им пренебрегали. Это может быть просто пристыдивший его преподаватель права, а может оказаться и гораздо более серьезный обидчик: вожатый бойскаутов, подвергавший его сексуальному насилию например. Возможно, сначала он был нормальным, пока еще в детстве его не изнасиловали. Трудно вообразить, как это могло повлиять на ребенка. Отсюда его постоянные проблемы с женщинами.

Уверенность Джери поражала и обезоруживала. Она так долго преследовала Бэнника, что его виновность стала для нее непреложным фактом.

– Я прочла сотню книг о серийных убийцах. Любых, от легкомысленной белиберды до академических трактатов. Ни один из них не желает попасться, но им хочется, чтобы кто-то – полиция, родственники жертв, пресса – знал, что они не дремлют. Многие очень смысленные, но немало и абсолютных глупцов. Спектр широчайший: одни десятилетиями убивают и избегают возмездия, другие сходят с ума и слишком торопятся. Эти обычно совершают ошибки. У одних есть ясный мотив, другие же разят наугад.

– Но обычно их все-таки хватают?

– Как сказать. В среднем в стране совершается пятнадцать тысяч убийств в год. Треть остаются нераскрытыми: пять ты-

сяч в этом году, пять тысяч в прошлом, пять тысяч в позапрошлом. С шестидесятого года прошлого века это более двухсот тысяч убийств. Нераскрытых убийств так много, что невозможно сказать, погибла ли та или иная жертва от рук серийного убийцы. Большинство экспертов считают, что это одна из причин, по которой убийцы оставляют после себя улики: им хочется, чтобы кто-то знал об их существовании. Они питаются внушаемым ими страхом, ужасом. Говорю же, попасться им не хочется, но хочется известности.

– То есть никто, даже ФБР, не знает, сколько вокруг рыщет серийных убийц?

– Никто. Некоторые из самых известных так и не были опознаны. Джека-потрошителя не поймали.

Лейси не сумела спрятать улыбку.

– Простите, но мне трудно поверить, что я сижу здесь, во флоридском захолустье, попиваю кофе и болтаю о Джеке-потрошителе!

– А вы не смейтесь, Лейси. Знаю, это очень странно, но тем не менее это правда.

– Чего вы ждете от меня?

– Просто доверия. Вы должны мне поверить.

Уже не улыбаясь, Лейси выпила еще кофе и после долгой паузы, когда две женщины старались друг на друга не смотреть, сказала:

– Я внимательно вас слушаю. По вашей версии получается, что Бэнник спит и видит, чтобы его взяли?

– Вот уж нет! Он слишком осторожен, слишком хитер, слишком терпелив. И потом, ему есть, что терять. Серийные убийцы, как и большая часть всех убийц, – это отбросы общества. Другое дело Бэнник: у него статус, завидная карьера, возможно, старые фамильные деньги. Он психически болен, но при этом сохраняет хорошую мину при плохой игре: церковь, загородный клуб, все такое прочее. Он активничает в местной коллегии адвокатов, возглавляет историческое общество, даже корчит из себя актера: играет в театральной труппе округа. Я дважды видела его на сцене – это какой-то ужас!

– Вы видели, как он играет?

– Да. Зрителей было мало, и немудрено, но в зале-то темно, так что риск оказался невелик.

– Такого не назовешь социопатом.

– Я и говорю, он умен и хитер. Никому не придет в голову его заподозрить. Он даже разъезжает по Пенсаколе и окрестностям с какой-то блондинкой. У него их несколько, наверное, он им платит, точно не знаю.

– Как вы узнали про блондинок?

– Из социальных сетей. Например, Американское общество борьбы с раком проводит ежегодный конгресс. Папаша Бэнника, педиатр, умер от рака, так что и тут он при делах. Крупное мероприятие, большой сбор средств. Все видно онлайн. В наше время секретов больше нет, Лейси.

– Но сам он ничего не постит.

– Ничего. В социальных сетях его нет. Однако вы бы удивились, узнав, сколько всего можно раскопать, если без конца сидеть в Интернете, как я.

– Да, вы говорили, что все оставляет след.

– Говорила. Но поиск в Сети трудно отследить. К тому же я принимаю меры предосторожности.

Повисла очередная долгая пауза. Лейси вымучивала следующий вопрос, Джери нервно ждала, как будто предвидела, что новое ее откровение окончательно отпугнет собеседницу. Официантка, проходившая мимо с кофейником, подлила им кофе.

Лейси, забыв про кофе, нарушила молчание:

– Еще один вопрос. Вы сказали, что большинству серийных убийц хочется доказывать окружающим, что они не дремлют. Бэнник из таких?

– О да! У сыщиков ФБР есть старая поговорка: рано или поздно любой ставит свою подпись. Я вычитала это в какой-то книге, может, даже в романе. Уже не припомню в каком, я столько всего читаю!

– Веревка?

– Она самая. Убийца всегда использует сверхпрочную нейлоновую веревку толщиной три восьмых дюйма, двойного плетения, облегченного типа. Длина – где-то тридцать дюймов. Двойной охват шеи, такой тугой, что всегда лопаются кожа, с двойным морским узлом – бойскаутская наука не прошла даром. Я располагаю фотографиями со всех мест

преступления, кроме убийства Кронка.

– Не беспечность ли это с вашей стороны?

– Я рискую, но что поделать, если больше никто не ведет расследование? Шесть убийств в шести разных юрисдикциях – шести штатах – и это за два десятилетия. Шесть управлений полиции ни разу не сличили свои записи. Так они не работают, и ему это известно.

– Всего одно из шести убийств совершено во Флориде?

– Да, убили Кронка, два года назад.

– Где конкретно?

– В городке Маратон на островах Флорида-Кис.

– Почему бы вам не обратиться в местную полицию и не показать им свои материалы, поделиться своей версией?

– Хороший вопрос! Это не исключается, Лейси. Возможно, мне придется так поступить, но у меня есть сомнения. Что, по-вашему, предпримет полиция? Бросится расследовать «висяки» в пяти других штатах? Сомнительно. Не забывайте, у меня еще нет доказательств, я не могу предоставить полиции никакой конкретики, а сами копы уже махнули рукой на эти дела.

Лейси с сомнением кивала, попивая кофе.

– Есть и более веская причина, по которой я пока придерживаю свои скромные материалы, – продолжила Джери. – Пугающая причина!

– Вы его боитесь.

– Еще как боюсь! Он слишком умен, чтобы совершить

преступление и забыть о нем. Двадцать лет я исхожу из того, что он продолжает вести наблюдение и замечать следы.

– И вы хотите подключить к этому меня?

– Кого же еще, Лейси? Кроме вас некого.

– Мне во все это не верится.

– Вы не верите мне?

– Даже не знаю, Джери. Не знаю! Простите, у меня пока все это в голове не укладывается.

– Если мы его не остановим, он продолжит убивать.

Лейси вздрогнула от того, как легко Джери сказала «мы».

Отодвинув свою чашку, она произнесла:

– На сегодня с меня хватит, Джери. Надо все переварить, определиться.

– Конечно, Лейси. Приглашаю в свой одинокий мир. Я живу с этим уже много лет. Это пожрало мою жизнь, порой я чувствую, что оказалась на самом краю. Бывает, начинаю ходить к психотерапевту, но толку пока немного. Мне пришлось развестись, моя карьера почти разрушена. Но отступить я не могу: отец не позволяет. Самой не верится, что я до такого дошла: придумала себе человека, якобы заслуживающего доверия, и всем с ним делюсь...

– Я не втиралась к вам в доверие.

– Тем не менее я вам доверяю. Больше некому. Мне нужен друг, Лейси. Пожалуйста, не отворачивайтесь от меня.

– Дело не в том, чтобы отвернуться. Главное в другом: чего вы от меня ждете? Мы не расследуем убийства, Джери.

Это задача штата или даже ФБР. Никак не наша.

– Все равно, вы можете мне помочь, Лейси. Вы можете меня выслушивать, можете поддерживать. Расследовать тоже можете – в некоторой степени. У КПДС есть полномочия выписывать повестки в суд. В истории с казино вы разоблачили продажную судью и обезвредили целую банду преступников.

– Только при помощи других служб, в первую очередь ФБР. Не уверена, что вы понимаете, как мы действуем, Джери. Мы не предпринимаем никаких шагов, пока не поступит жалоба. Без нее ничего не происходит.

– Жалоба анонимная?

– Первоначально да. Но потом анонимности заявителя приходит конец. После регистрации иска у нас есть сорок пять дней на изучение обвинений.

– О вашем расследовании становится известно судье?

– Бывает по-разному. Чаще всего он или она знает о возникшей проблеме. Истец не скрывает, что он недоволен, что у него есть претензии. Тяжбы иногда тянутся месяцами, а то и годами. Но порой судью ставят перед неприятным фактом, и он оказывается ошарашен. Если мы решаем, что обвинения небеспочвенны, что случается редко, то направляем судье официальное извещение.

– На этом этапе он узнает мое имя?

– Обычно происходит именно так. Не припомню случая, когда сторона истца сохранила бы полную анонимность.

– Тем не менее это не исключается?

– Мне пришлось бы поговорить об этом с директором, моим боссом.

– Вот это меня и пугает, Лейси. Я мечтаю покарать убийцу моего отца. Другая моя мечта – чтобы нигде не появилось мое имя. Это слишком опасно.

Лейси покосилась на свои часы и, отодвинув чуть в сторону чашку, сказала со вздохом:

– Знаете, для одного дня уже более чем достаточно. Мне предстоит долгий обратный путь. Предлагаю сделать перерыв.

– Согласна, и пообещайте мне полную конфиденциальность, Лейси. Вы меня понимаете?

– Понимаю. Но сначала – разговор с моим боссом.

– Он заслуживает доверия?

– Это женщина. Да, заслуживает. Как вы можете догадаться, это непростая задача. Речь идет о репутации избираемых судей, и мы заботимся об их репутации. Никто ничего не узнает, пока не возникнет необходимость. Логично?

– Вроде бы. Но все равно – держите меня в курсе.

Двадцать минут, пока женщины ехали обратно к кладбищу, прошли почти в полном молчании. Лейси поинтересовалась для приличия дочерью Джери, Дениз, выпускницей Университета Мичигана. Оказалось, та не помнит деда и почти ничего не знает о его гибели. Джери удивлял образ жиз-

ни Лейси: как такая привлекательная сорокалетняя женщина осталась незамужней? Но разговор быстро угас. Лейси была привычна к подобным вопросам и умела быстро положить им конец. Мать Лейси, ныне покойная, годами мучила ее предостережениями об опасности состариться одинокой и бездетной, и она научилась осаживать излишне настырных.

У кладбища Джери сунула Лейси в руки матерчатую сумку, сказав:

– Здесь несколько папок, это для начала. Дальше будет больше.

– Полагаю, это первые три дела?

– Да. Мой отец, Тэд Ливуд, Дэнни Кливленд. Об остальных поговорим позже.

Сумка оказалась тяжелой, и Лейси не хотелось ее забирать. Ей не терпелось вернуться в свою машину, захлопнуть дверцу и укатить. Они попрощались, пообещав друг другу вскоре связаться, и разъехались.

На полпути к Таллахасси Лейси позвонил Элли: он сказал, что вернется поздно и не прочь поесть пиццу и выпить вина у камина. Она не видела его четыре дня и вдруг поняла, что соскучилась. Предвкушая вечер нежности с маститым агентом ФБР и разговор о чем угодно, кроме работы, она радостно заулыбалась.

Глава 7

В среду с утра пораньше Даррен Троуп ввалился в кабинет Лейси со словами:

– Ну как отгул? Сумела перевести дух?

– Вообще-то нет.

– Успела по нам соскучиться?

– Извини, тоже нет, – ответила с улыбкой Лейси и потянулась за папкой, лежавшей в аккуратной стопке на углу ее письменного стола. Один из судей округа Гилкрис извел как адвокатов, так и стороны судебных конфликтов своей неспособностью доводить дела до суда. По слухам, это объяснялось его пристрастием к спиртному. Лейси в итоге пришла к заключению, что эти обвинения небеспочвенны, и теперь готовилась уведомить судью о проверке его деятельности.

– Валялась с утра в постели? Долго обедала в шикарном месте с нашим фэбээровцем?

– Такой день называется личным не просто так.

– Не бойся, здесь ты ничего не пропустила.

– Не сомневаюсь в этом.

– Пойду выпью приличного кофе. Тебе что-нибудь принести?

– Да, как обычно.

«Кофейные перерывы» Даррена неуклонно удлинялись. Он томился в КПДС уже два года и выказывал все признаки

скуки и недовольства своей застопорившейся карьерой. После его ухода Лейси закрыла дверь и попробовала сосредоточиться на очередном судье-пьянице. За час она почти не продвинулась и в конце концов отодвинула папку.

Среди коллег по офису она больше всего доверяла Мэдди Риз. Та продержалась здесь уже четыре года и занимала в четверке юристов второе место, хотя значительно отставала от Лейси. Постучав, Мэдди вошла и спросила:

– У тебя найдется минутка?

Предыдущий директор внедрил «правило открытых дверей», при котором почти не соблюдалась приватность: любой всегда мог прервать работу коллеги. После его ухода двери опять начали закрывать, но старые привычки у многих укоренились.

– Конечно, – кивнула Лейси. – Что там у тебя?

– Клео хочет, чтобы ты занялась делом Хэнди. Она считает, нам пора вмешаться.

Клео было секретным прозвищем Клеопатры, их нынешнего директора, – властной особы, умудрившейся за считанные недели настроить против себя всю контору.

– Только не Хэнди! – простонала Лейси.

– Сочувствую. Похоже, он закрывает глаза на все предписания местных властей о территориальном зонировании, потворствуя некоему девелоперу, по случайности – другу своего племянника.

– Это Флорида, здесь такое в порядке вещей.

– Владельцы соседних участков не выдержали и наняли адвокатов. На прошлой неделе поступила очередная жалоба. Подозрений все больше. Знаю твою нелюбовь к делам о зонировании, но...

– Да я жить без них не могу! Тащи дело, так и быть, взгляну.

– Спасибо. Сегодня в два часа дня Клео устраивает совещание.

– Я думала, мы уже отмучились в понедельник.

– Что поделать, Клео насаждает свои порядки.

Мэдди ушла, не закрыв за собой дверь, и Лейси усталилась на экран ноутбука. Быстро просмотрев почту, которую можно было проигнорировать или отложить, она остановилась на письме от Джери Кросби.

Мы можем поговорить? Я позвоню. Мой номер 776-145-0088. Ваш телефон его не узнает.

Лейси долго смотрела на текст, соображая, как избежать ответа, и гадая, который из полудюжины своих сотовых Джери использовала на этот раз. Ее размышления прервал звонок. На телефоне высветился номер.

– Привет, Джери, – сказала она и встала, чтобы закрыть дверь.

– Спасибо за вчерашнюю встречу, Лейси, вы не представляете, насколько для меня это важно. Впервые за долгое вре-

мя я спала ночью.

Лейси оставалось только порадоваться за Джери. Ее саму не смог отвлечь от раздумий о событиях минувшего дня даже лежавший рядом Элли.

– Чудесно, Джери. Вчера было очень интересно.

– Это еще мягко сказано. Ну, какие новости?

Услышав вопрос, Лейси поняла, что новая знакомая намерена ежедневно справляться у нее о новостях.

– В каком смысле?

– Появились соображения? Какие дальнейшие действия?

– Еще не успела придумать, – соврала она. – После дня вне офиса я никак не соберусь с мыслями.

– Понятно. Не хочу вас торопить. Простите, просто для меня огромное облегчение, что теперь вы в курсе этого дела.

Вы не представляете, как на меня давило одиночество!

– Я не уверена, что это уже можно назвать делом, Джери.

– Еще как можно! Вы просмотрели материалы?

– Нет, пока руки не дошли. Сейчас у меня другой приоритет.

– Ясно. Нам надо снова встретиться и обсудить остальных жертв. Знаю, вам трудно все сразу переварить, но, поверьте, ничто из того, чем вы сейчас занимаетесь, не сравнится по важности с Бэнником.

Что верно, то верно: все, чем занималась комиссия, бледнело по сравнению с обвинением действующего судьи в убийстве.

– Поймите, Джери, для меня невозможно все бросить и завести новое дело. Здесь не обойтись без разрешения директора, разве я не объясняла?

– Вроде бы объясняли... Сегодня и завтра у меня студенты, а вот как насчет субботы? Я сама приеду, мы можем встретиться где-нибудь в укромном месте.

– Вчера я думала об этом все три часа, пока ехала домой, но так и не надумала, как к этому подступиться. Мы попросту не имеем права расследовать даже одно убийство, не говоря уж о нескольких.

– Вашему другу Хьюго Хэтчу подстроили аварию, стоившую ему жизни. Кажется, в том деле с казино было еще одно убийство. Ведь так, Лейси? Вы были по уши погружены во все это. – Тон Джери становился все агрессивнее, но в ее голосе улавливалась какая-то хрупкость.

Лейси спокойно ответила:

– Это мы уже обсуждали. Я объясняла, что то дело расследовали настоящие сыщики, привлекали даже ФБР.

– Но все началось с вас, Лейси. Не будь вас, преступления так и остались бы нераскрытыми.

– Чего вы от меня ждете, Джери? Чтобы я помчалась в Сигнал-Маунтин, штат Теннесси, потом в Литл-Рок, Арканзас, потом в Маратон, Флорида, всюду рылась в старых полицейских делах и каким-то образом выживала улики, которых в них нет? Полицейские, а они профессионалы, ничего не нашли. Вы бились над этим двадцать лет. Доказательств

недостаточно.

– Шесть жертв, все убиты одним и тем же способом, и все шестеро были так или иначе связаны с Бэнником. Считаете, этого недостаточно? Перестаньте, Лейси, вы уже не можете оставить меня одну. У меня ум заходит за разум. Куда мне идти, если вы от меня отвернетесь?

«Куда угодно, только уйдите!..» Лейси вздохнула и мысленно призвала себя к терпению.

– Я все понимаю, Джери. Просто сейчас я занята. Поговорим позже.

Если Джери и услышала ее, то не подала виду.

– Я много с кем беседовала, Лейси. В каждом штате своя система работы с жалобами на судей, но почти всюду разрешают потерпевшей стороне инициировать расследование, сохраняя так или иначе анонимность. Уверена, во Флориде это тоже возможно.

– Вы хотите подать жалобу и поставить свою подпись?

– Вероятно, но мы еще не все обговорили. Можно ведь воспользоваться вымышленным именем?

– Пока я не могу дать определенный ответ, Джери. Давайте продолжим разговор завтра.

Лейси перевела дух лишь после возвращения Даррена с миндальным латте для нее – прошел почти час с тех пор, как он за ним отправился. Она поблагодарила его, он вроде бы не прочь был вместе с ней продлить перерыв в работе, но она отговорила – мол, нужно кое-куда позвонить. В полдень

Лейси незаметно покинула кабинет и здание, миновала пять кварталов и пообедала вдвоем с Элли.

В арсенале КПДС имелось секретное оружие – пожилая сотрудница по имени Сейделл, юрист без диплома, давным-давно отказавшаяся сдавать адвокатский экзамен. Когда-то она курила почти по три пачки сигарет в день, часто даже не покидая офиса, и докурилась-таки до диагноза – рак легких в терминальной стадии. Диагноз послужил мотивацией бросить курить. Сейделл стала готовиться к завершению своего жизненного пути, и эта подготовка длилась уже семь лет. Она продолжала работать, причем с куда большим рвением, чем остальные. КПДС была ее жизнью, она не только знала тут буквально все, но и не могла пожаловаться на память. Сейделл была живым архивом, поисковой машиной, экспертом по всем способам, которыми судьи могли загубить свою карьеру.

После совещания Лейси отправила ей имейл с кое-какими вопросами. Спустя четверть часа Сейделл въехала к ней в кабинет в своем самоходном инвалидном кресле, со вставленной в ноздрю кислородной трубкой. Говорить ей было нелегко, голосовые связки то и дело ей отказывали, тем не менее она любила поболтать и даже, случалось, чересчур увлекалась разговором.

– Так у нас уже бывало, – начала она. – Мне приходят на память три случая за последние сорок лет, когда потерпев-

шая сторона боялась ставить подпись. Самый вопиющий – с судьей в Тампе, подсевшим на кокаин. Наркотик превратился в его большую проблему. Положение мешало ему покупать «дурь» самому. – Она прервалась, чтобы вдохнуть кислорода. – Решением его проблем стал вызов в суд одного наркоторговца. Они подружились, дилер получил смехотворный приговор, а потом они вообще стали любовниками. Из-за стабильности поставок положение усугубилось, наш судья уже не мог толком работать, в заседаниях суда каждые пятнадцать минут делал перерыв, чтобы нюхнуть еще. Адвокаты, конечно, шептались, но, как водится, не хотели поднимать шум. Женщина – судебный репортер, пристально наблюдавшая за судьей, раскопала все. Она обратилась к нам, не скрывая страха, поскольку в банде состояли прожженные убийцы. В конце концов она подала анонимную жалобу, мы выписали повестки, ну и так далее. Она раздобыла документы, и у нас набралось достаточно доказательств. Мы уже готовились привлечь федералов, но тут судья сам согласился покинуть должность и избежал преследования.

Лицо Сейделл сморщилось, и она стала судорожно втягивать носом кислород.

– Что с ним было потом?

– Он покончил с собой. Это сочли случайной передозировкой, но выглядело все очень подозрительно. Слишком много кокаина в организме. Думаю, он расстался с жизнью тем способом, который сам избрал.

– Когда все это было?

– Точной даты не назову, но определенно еще до вас.

– Что потом случилось с судебным репортером?

– Ничего. Мы не раскрывали ее личность, никто так о ней и не узнал. Так что – да, это реально.

– А другие два случая?

– То ли Джейн, то ли Джон... Не уверена, но могу уточнить. Помнится, оба дела были закрыты после первоначальной проверки, а значит, претензии оказались слабоваты. – Новая пауза, сопровождаемая пыхтением. – Что за случай у тебя?

– Убийство.

– Вот это да! Забавно. Такого я не припоминаю, не считая дела казино. Как с перспективой?

– Пока не знаю, еще выясняю. Прикидываю, есть ли во всем зерно правды.

– Действующего судью заподозрили в убийстве?

– Да.

– Мне нравится! Обязательно держи меня в курсе!

– Спасибо, Сейделл.

– Не за что.

Сейделл еще раз наполнила кислородом свои дырявые легкие и, развернув кресло, укатила.

Глава 8

Маляра звали Ланни Верно. В октябре прошлого года, ближе к вечеру пятницы, он стоял на верхней ступеньке двенадцатифутовой стремянки в гостиной готовящегося к сдаче дома, одного из нескольких дюжин на еще не замощенной улице в быстро растущем пригороде города Билокси. Балансируя с ведерком белой краски в одной руке, другой рукой он докрашивал кистью толщиной два дюйма потолочный плинтус. Его напарник уже завершил рабочий день и рабочую неделю – заторопился в бар. Ланни покосился на часы и покачал головой. Пятница, шестой час вечера, а он все еще трудится. По радио, включенному на кухне, транслировали последние хиты в стиле кантри.

Ланни тоже хотелось в бар, хотелось пива и хорошего скандала, и он уже давно был бы там, если бы не обещанный бригадиром чек. Чек ожидался в конце рабочего дня, время шло, и маляр все сильнее нервничал.

Ворота открылись, на подъездной дорожке хлопнула дверца пикапа. В гостиную вошел мужчина и после дружелюбного «хелло» представился:

- Батлер, окружной инспектор.
- Входите, – буркнул Верно, не поворачивая головы. На стройке вечно кто-то разгуливал.
- Что-то ты задержался, – сказал Батлер.

– Это точно, сейчас бы пивка...

– Здесь есть еще кто-нибудь?

– Ни души, один я, и тоже сейчас уйду. – Верно бросил взгляд вниз и увидел на обуви инспектора синие целлофановые бахилы. Странно, мелькнула у него мысль. На руках у инспектора были такие же одноразовые перчатки. Не иначе свихнулся на микробах. В правой руке гость держал папку-планшет.

– Напомните, где здесь электрощит, – попросил он.

– В конце коридора, – ответил Верно, окунул кисть в ведро и продолжил работу.

Батлер покинул гостиную, прошагал по коридору и, заглянув в три спальни и в две ванны, заспешил в кухню. Там он посмотрел в окно столовой: тоже пусто. Его пикап стоял на дорожке, позади пикапа маляра. Вернувшись в гостиную, он молча толкнул стремянку. Верно с криком упал вниз и сильно ударился головой о кирпичную каминную полку. Он не потерял сознание и попытался встать, но было поздно.

Батлер достал из правого кармана брюк железный стержень длиной восемь дюймов со свинцовым шаром весом двенадцать унций на конце. Он любовно называл его Ледди². От ловкого взмаха стержень выдвинулся и удлинился сначала вдвое, потом втрое. Верно получил удар в стиле карате по ребрам, и ребра хрустнули. Он заорал от боли, и прежде чем он успел снова издать хоть какой-то звук, свинцовый шар

---

² Свинчатка, от lead (англ.) – свинец.

ударил его по затылку и расколочил череп, как яичную скорлупу. С практической точки зрения он был уже почти мертв. Если бы больше его не трогали, то сердцебиение постепенно остановилось бы, а минут через десять прервалось дыхание. Но Батлер не мог ждать так долго. Он вытянул из кармана недлинный кусок бело-голубой веревки – нейлоновой, толщиной три восьмых дюйма, двойного плетения. Быстро обхватив шею Верно двойной петлей, он уперся коленом ему в позвоночник между лопатками, сильно дернул за оба конца веревки и свернул жертве верхний позвонок.

В последние секунды своей жизни Верно издал хрип и дернулся, организм предпринял последнюю инстинктивную попытку спастись. Он был крупным детиной и в юности слыл драчуном, но при врезавшейся в горло веревке и разбитом черепе полностью лишился сил. Монстр, уперев колено ему в спину, пытался оторвать ему голову. Перед смертью бедняга успел, наверное, подивиться силе человека в бахилах.

Батлер много лет назад усвоил, что в борьбе побеждает сильнейший. В эти ключевые секунды все решала сила и скорость. Тридцать лет он накачивал силу, занимался карате и тхэквондо – не ради здоровья и не для того, чтобы восхищать женщин, а ради успеха неожиданных нападений.

Он душил Верно две минуты, после чего тот обмяк. Батлер еще сильнее стянул веревку, смотал два конца, как заправский моряк, и затянул образцовый двойной морской узел. После этого он выпрямился, постаравшись не испач-

каться кровью, и доставил себе удовольствие – несколько секунд любовался проделанной работой. Его беспокоила кровь: ее пролилось многовато, а он терпеть не мог грязи на месте преступления. Кровь попала и на его хирургические перчатки, и на рабочие брюки цвета хаки. Надо было надеть черные, и что на него нашло?

За исключением этих погрешностей, картина была приятная. Труп лежал ничком, с вывернутыми под неестественными углами руками и ногами. Медленно растекавшаяся кровь отменно контрастировала с новым сосновым паркетом. Белая краска из ведерка залила каминную полку и стену, попав даже на окно. Рухнувшая стремянка – тоже удачный штрих. Первый, кто здесь окажется, сначала решит, что Верно упал по неосторожности и при падении размозжил себе башку. Но еще один взгляд – и веревка поведает совсем другую историю.

Контрольный перечень: периметр, телефон, фото, кровь, следы обуви. Он посмотрел в окно: никакого движения на улице. Он вышел в кухню, сполоснул свои перчатки, все тщательно вытер бумажным полотенцем из кармана. Закрыв и запер обе задние двери. Телефон Верно лежал на кухонном столе, рядом с радиоприемником. Батлер выключил радио, лишний источник шума, и сунул телефон себе в задний карман. Вышел с планшетом в холл, остановился там и перевел дух. Не терять ни секунды, но и не спешить.

Он уже потянулся к ручке входной двери, как вдруг услы-

шал шум двигателя пикапа. Хлопнула дверца. Он кинулся в столовую и там осторожно выглянул в окно.

– Вот дерьмо!

На дорожке появился здоровенный «Додж-Рем» с надписью «ДАНВУДИ КАСТОМ ХОУМЗ» по борту. Водитель уже шел по лужайке с конвертом в руке. Среднего роста и веса, лет пятидесяти, легкая хромота. Войдя, он сразу увидит тело Верно в левом углу гостиной. Это станет последним впечатлением в его жизни.

Убийца бесшумно занял позицию с оружием наготове.

– Верно, ты где? – прозвучал хриплый голос. Шаги, пауза. – Ланни, ты в порядке?

Еще три шага – и удар свинцовым шаром по затылку. Мужчина тяжело рухнул почти что поверх Верно. Рана и крайнее удивление не позволили ему оглянуться. Батлер нанес удар за ударом, круша череп жертвы и забрызгивая комнату кровью.

У Батлера было недостаточно веревки, чтобы задушить двоих, и вообще, на этого мужчину не стоило ее расходовать. Человек стонал и корчился, постепенно прощаясь с жизнью. Он все-таки глянул стекленеющими красными глазами на Батлера, но ничего не увидел, попытался что-то сказать, но не смог. Наконец, он упал ничком и перестал шевелиться. Батлер терпеливо ждал, следя за его дыханием. Когда оно прекратилось, он забрал из кармана безрукавки мертвеца телефон и приобщил к первому.

Внезапно ему показалось, что он торчит здесь уже слишком долго. Он еще раз проверил, есть ли кто на улице, осторожно вышел через входную дверь и запер ее. Теперь заперты были все три. Он залез в свой пикап, низко надвинул козырек бейсболки, нацепил темные очки, хотя день выдался облачный. Выехав задним ходом на улицу, он не спеша покатил вдоль домов – обычный инспектор, завершающий сутнюю рабочую неделю.

Остановился он перед торговым центром, подальше от магазинов и их камер. Сняв хирургические перчатки и бахилы, убрал все в пакет. Положил оба украденных телефона на сиденье, чтобы видеть их и слышать. После нажатия на один на экране появилось имя «МАЙК ДАНВУДИ», после нажатия на другой – «ЛАННИ ВЕРНО». Чтобы не быть пойманным с этими телефонами, он намеревался вскорости от них избавиться. Он долго сидел, собираясь с мыслями.

Верно сам напросился. Его имя фигурировало в списке давным-давно, и все это время он кочевал из одного городка в другой, от одной неудачной любовной интрижки к другой, живя от получки до получки. Не будь он такой бестолочью, таким жалким неудачником, его жизнь чего-нибудь стоила бы. Тогда он бы, пожалуй, избежал преждевременной гибели. Но он подписал себе смертный приговор несколько лет назад, когда пригрозил побоями человеку, назвавшему себя Батлером.

Данвуди просто попал под руку: он всего лишь оказался не

в то время и не в том месте. Он никогда раньше не встречался с Батлером и, конечно, не заслужил такого конца. У военных это называется «побочный ущерб», но в данный момент содеянное Батлеру не нравилось. Невинных он не убивал. Возможно, Данвуди был приличным человеком, семьянином и душой компании, прихожанином церкви, нянчил внуков.

В две минуты восьмого телефон Данвуди замигал и завибрировал, на экране появилось имя «Марша». Марша не оставила звукового сообщения, просто перезвонила спустя шесть минут.

Наверное, жена, подумал Батлер. Печально... Впрочем, он практически не умел сочувствовать и никогда не испытывал угрызений совести.

Побочный ущерб. Раньше подобного не случалось, но он был горд тем, как справился с ситуацией.

Майк Данвуди уже много лет назад бросил выпивать, пятничные вечера в баре ушли в историю. Марша не опасалась, что муж примется за старое, хотя отлично помнила, как тот шатался когда-то по барам с приятелями, тоже работавшими на стройках. Позвонив ему последний раз в этот день, она дала четкое указание – заглянуть в бакалею за фунтом пасты и свежим чесноком. Она готовила к визиту их дочери спагетти. Он собирался вернуться домой к шести часам, когда развезет получку своим работникам. Десяток его бригад возводили восемь домов, и он постоянно висел на телефоне.

Если он не отвечал на звонок, то это обычно означало разговор по другой линии. Пропустив звонок, особенно от жены, он почти сразу перезванивал.

В 19.31 Марша позвонила мужу в третий раз. Батлер посмотрел на экран и едва не испытал жалость – правда, это продлилось всего секунду.

Тогда Марша позвонила сыну и попросила его съездить за отцом.

Верно никто не звонил.

Батлер двигался на север по дорогам местного значения, избегая побережья. По его прикидке, тела уже нашли, копы поняли, что пропали телефоны. Пора было от них избавиться. На его пути оказался городок Нили с населением 400 человек. Он проехал его насквозь. Он бывал здесь раньше по скаутским делам. Сейчас, в пятницу вечером, открыто было одно-единственное заведение – кафе на краю городка. Почта располагалась отсюда довольно далеко, опознать ее помог древний синий ящик для почты на обочине. Батлер затормозил перед домиком, вошел внутрь и увидел в тесном вестибюле квадратные дверцы арендных ячеек. Ни снаружи, ни внутри не было заметно камер, поэтому он небрежно опустил в ящик для почты пухлый конверт размером пять на восемь дюймов.

Дейл Блэк был выборным шерифом округа Харрисон. По-

ужинав с женой, он, как обычно, вышел на прогулку с собакой. Жена уже ждала его снаружи, проверяя телефон. Через секунду зазвонил его телефон. Звонок диспетчера в восемь вечера пятницы не предвещал ничего хорошего.

Через двадцать минут шериф свернул к новостройке, где его встретила настоящая иллюминация. Остановив машину, он поспешил к скоплению полицейских авто. Его ждал Манкусо, помощник. Взглянув на пикап на подъездной дорожке, шериф сказал:

– Узнаю колымагу Майка Данвуди.

– Она самая.

– А сам Майк где?

– Внутри. Он и еще один.

– Мертвы?

– Мертвее не бывает. У обоих проломлен затылок. – Манкусо указал кивком на еще один пикап. – Знаете его сына Джоуи?

– А то как же!

– Так вот, он приехал за отцом, хотел войти в дом, но двери оказались заперты. Он стал светить фонарем вон через то окно и разглядел два тела на полу. Вместо того чтобы ломиться в дом, он благоразумно вызвал нас.

– Представляю его состояние...

– Даже вы не можете такое представить.

Они пошли к дому мимо других помощников шерифа и прочих, примчавшихся по вызову. Все истомились без дела.

– Я выбил кухонную дверь, вошел и осмотрелся, – доложил Манкусо. – Больше никого не впустил.

– И правильно сделал.

Войдя в дом через кухню, они зажгли весь свет. У входа в гостиную остановились, пораженные ужасным зрелищем: два безжизненных тела лицом вниз, окровавленные головы, темно-красные лужи вокруг, разлитая белая краска, опрокинутая стремянка.

– Ты к чему-нибудь прикасался? – спросил Блэк.

– Нет.

– Это, кажется, Майк, – Блэк указал пальцем на тело.

– Да, это Майк.

– А маляр кто?

– Понятия не имею.

– Как я погляжу, ему оставили бумажник. Что в нем?

– В бумажнике лежали водительские права штата Миссисипи на имя Ланни Л. Верно, жителя Галфпорта. Шериф и его помощник несколько минут молча смотрели на трупы, пока Манкусо не спросил:

– Что думаете? Рефлекс сыщика сработал уже?

– В смысле, есть ли у меня версия случившегося?

– Типа того. По словам Джоуи, его отец развозил получку бригадам, заканчивавшим на этой неделе работу.

Блэк почесал подбородок.

– Этого Верно сбросил со стремянки кто-то, кто его на дух не переносил. Проломил ему череп, а потом удавил. Даль-

ше появился непрощеный гость, Майк, его тоже прикончили, просто до кучи. Мы имеем два убийства: одно спланированное, совершенное по веской причине, второе – незапланированное, с целью прикрыть первое. Согласен?

– Мне все равно больше нечего предложить.

– Скорее всего, тот, кто это совершил, знает, что делает.

– Он заявился сюда с веревкой.

– Придется вызвать парней из полиции штата. Но это не к спеху. Давай сначала огородим место преступления. Пусть они сами вызовут криминалистов.

– И то верно.

Он никогда не возвращался на место преступления. Он читал несчетные истории, как вымышленные, так и похожие на правду, про преступников, которым было в кайф возвращаться. У него самого никогда не было таких планов, но сейчас ему вдруг показалось, что такой момент настал. Он не совершил ошибок. Никто не мог ни о чем догадаться. Его серый пикап походил на тысячи таких же пикапов в окрестностях, к поддельным номерным знакам штата Миссисипи было не придраться. Если бы что-то вызвало у него опасения, он всегда мог отменить свое решение и убраться из штата.

Он не торопясь, зигзагами вернулся в строящийся жилой комплекс. Там, еще не добравшись до нужного переулка, увидел множество огней. Проезд блокировали машины полиции. Медленно двигаясь мимо них, он кивал копам и

осматривался. Тысячи красных и синих «мигалок»! Ясное дело, произошло что-то серьезное.

Ему захотелось побыстрее убраться подальше, но страха не было. Кайфа, впрочем, тоже.

Ближе к десяти часам вечера шериф Блэк и его старший помощник Манкусо приехали в городок Нили. На заднем сиденье машины устроился Ник, двадцатилетний студент колледжа, подвязавшийся в полицейском участке в роли техника на полставки. Держа на коленях айпад, он указывал направление.

– Подъезжаем, – сообщил он. – Здесь направо. Вроде это на почте...

– Почта? – удивился Манкусо. – Зачем ему выбрасывать краденый сотовый на почте?

– Надо же было как-то от него избавиться, – объяснил Блэк.

– Не лучше ли просто выбросить в речку?

– Не знаю. Спрашивай у него самого.

– Уже приехали, – сказал Ник. – Это здесь.

Блэк зарулил на гравийную стоянку, и все трое уставились на пустое, неосвещенное отделение почты Нили. Еще повозив пальцем по дисплею айпада, Ник доложил:

– Телефон лежит прямо здесь, в синем почтовом ящике.

– Ясное дело, – проворчал Манкусо. – Очень остроумно!

– Кто заведует этой чертовой почтой? – осведомился Блэк.

эк.

– Неужели кому-то нравится такая работенка? – удивился Манкусо.

– Некто Гершел Дерефорд, – сказал Ник. – Вот номер его телефона.

Гершел мирно спал в своем домике в пяти милях от Нили, когда внезапно ему позвонил шериф Блэк. Несколько минут он не мог сообразить, что к чему, потом пытался отказаться сотрудничать: дескать, федеральные правила не разрешают ему вскрывать «свой» ящик и позволять местным властям рыться в «его» почте.

Шериф Блэк прибег к давлению: сказал, что этим вечером неподалеку убили двух человек и что они преследуют убийцу. Трэкинг-приложение привело их в Нили, к «его» почте, и теперь им крайне важно завладеть телефоном. Это достаточно напугало Гершела, чтобы он перестал артачиться. Заведующий почтой явился спустя четверть часа, правда, недовольный, и все бормотал что-то под звяканье ключей о нарушении федерального закона. Он рассказал, что производит выемку почты ежедневно в пять дня, когда запирает почтовое отделение. Почту увозит машина из Геттисберга. Сейчас, в одиннадцать вечера, ящик, скорей всего, пуст.

Шериф Блэк приказал Нику снимать все происходящее на телефон.

Гершел повернул ключ, дверца ящика упала. Он достал и поставил на землю квадратный алюминиевый ящик без вер-

ха. Внутри лежал один-единственный конверт.

– Я предупреждал, что будет негусто, – напомнил Гершел.

– Не будем торопиться, – сказал шериф Блэк. – Сейчас я наберу на своем сотовом номер Майка Данвуди. Все понятно?

Все закивали, уставившись на конверт. Через несколько секунд из него послышались звонки.

Шериф Блэк дал отбой и сообщил:

– Теперь я позвоню по номеру Ланни Верно, его нам дала его подружка.

Он набрал номер, и до них донесся припев песенки Уилли Нельсона «Снова в пути». Подружка не ошиблась с цифрами.

Ник снимал все действие на айфон, Манкусо держал фонарь, Гершел мялся, не зная, что ему делать. Шериф спокойно объяснил:

– Теперь, после звонков по обоим номерам, мы можем уверенно заключить, что в этом конверте размером пять на восемь дюймов, лежащем в почтовом ящике, находятся два сотовых телефона. – Он достал из кармана ветровки пару хирургических перчаток. Ник исправно продолжал снимать. – Сейчас я достану конверт, но вскрывать его здесь мы не станем. Правила требуют доставить конверт в криминалистическую лабораторию штата и передать местным экспертам.

Он аккуратно достал конверт, показал его всем троим, в особенности оператору Нику, потом перевернул. На клапане

был написан адрес, а на другой стороне причудливым шрифтом, следующее: *Черри Макгроу, 114 Фэаруэй, № 72, Биллоси, МС 39503.*

У шерифа вырвалось «вот дерьмо!», и он чуть не выронил конверт.

– Что такое, босс? – спросил Манкусо.

– Это адрес моей дочери.

Дочь шерифа огорчилась, но все у нее было в порядке. Она вышла замуж меньше года назад и жила недалеко от родителей. Ее муж, уроженец этих мест, был страстным охотником и собрал завидную коллекцию огнестрельного оружия. Он заверил шерифа, что им ничего не угрожает и что они будут настороже.

Одному из помощников шерифа было приказано охранять дом босса. Миссис Блэк пообещала мужу, что останется цела и невредима.

По дороге обратно к месту преступления Ник сказал с заднего сиденья:

– Не думаю, что он собирался отправить телефоны вашей дочери.

Шериф Блэк не выносил дураков, он был занят своими мыслями и не желал выслушивать версии студента, смахивающего на четырнадцатилетнего подростка.

– Да уж, – буркнул он.

– Просто он знал, что мы найдем телефоны. Существует

примерно десяток способов найти потерянный сотовый, и он не сомневался, что мы их отследим. По словам заведующего почтой, отправления, опущенные в конце рабочего дня пятницы, вынимают только после пяти вечера в понедельник. Но конверт обязательно вытащили бы гораздо раньше, он не мог этого не знать.

– Зачем тогда адресовать конверт моей дочери?

– Трудно сказать. Наверное, потому что он психопат и ужасно хитроумен. Многие из них такие.

– Забавляется, что ли? – предположил Манкусо.

– Очень смешно!

У шерифа не было настроения болтать. Его мучило множество противоречивых мыслей, вопросы без ответа и пугающие сценарии дальнейшего развития событий.

Глава 9

Прозвище Клеопатра преследовало ее еще со времен работы в Совете по туризму, гораздо более крупном государственном агентстве, где она несколько лет пробыла штатным юристом. Этому предшествовала недолгая служба в госструктурах, занимавшихся психическим здоровьем, качеством воздуха, эрозией береговой полосы. Осталось неясно, кто первым прозвал ее Клеопатрой; никто – по крайней мере, в Комиссии по проверке действий судей – не знал, в курсе ли сама Шарлотта, как называют ее за глаза подчиненные. Прозвище прижилось то ли потому, что отлично ей подходило, то ли из-за ее сходства с Элизабет Тейлор: иссиня-черные прямые волосы, челка до самых густых бровей, требовавшая постоянного ухода, многослойная крем-пудра, заполнявшая неподвластные ботоксу морщины; по количеству нанесенной туши для глаз она могла бы посоревноваться с заправской лас-вегасской шлюхой. Десять, а тем более двадцать лет назад Шарлотту называли бы красоткой, но годы упорного труда и неудачных попыток довести свой внешний вид до совершенства поставили на ее былой красоте крест. Зато любой юрист, вздумавший улучшить свою репутацию болтовней об ее вульгарном макияже и слишком тесной одежде, отвлекающих от оценки профессиональных качеств, рисковал навсегда вылететь из профессии.

Были у нее и другие проблемы с внешностью. Она любила слишком короткие юбки, не скрывавшие излишнюю толщину бедер. Вне офиса она расхаживала на кинжальных шестидюймовых каблуках, что было бы не под силу иной стриптизерше. Хожение на таких котурнах было настолько утомительным, что за своим рабочим столом она сидела босая. Она была лишена чувства стиля, но в КПДС это было нормально – там все одевались кое-как. Беда Шарлотты была в том, что она искренне считала себя законодательницей мод. Вот только ее примеру никто не желал следовать.

Лейси с самого первого дня относилась к ней с опаской. Причин тому было две. Во-первых, у Клео была репутация карьеристки, вечно стремившейся занять местечко повыше; впрочем, в конторах вроде этой такое было обычным делом. Вторая причина была связана с первой, но из нее вытекало гораздо больше проблем. Клео не любила женщин с дипломом юриста, видя в каждой из них угрозу. Зная, что штат комплектуют, главным образом, руководители-мужчины, и всегда готовясь сделать следующий шаг в карьере, она не давала расти коллегам-женщинам.

– Возможно, у нас появилась серьезная проблема, – сказала ей Лейси.

Клео нахмурилась, хотя морщины у нее на лбу были надежно скрыты челкой.

– Выкладывай.

Дело было под конец четверга, когда большинство сотруд-

ников уже разошлись. Дверь просторного кабинета Клео была закрыта.

– Я жду от имени вымышленного лица претензию, с которой нам придется попотеть. Пока не знаю, как действовать.

– Претензия к судье?

– Еще неясно, к какому именно. Окружной суд, десять лет на должности.

– Думаешь, я буду выпрашивать, чтобы ты вывалила передо мной всю грязь?

Клео мнила себя стреляным воробьем, юристом-сухарем, не тратащим время на болтовню и сплетни. Она требовала фактов, уверенная, что справится с ними.

– Предполагаемое злоупотребление – убийство.

Челка колыхнулась.

– Убийца – действующий судья?

– Как я и сказала. – Лейси не отличалась грубостью, но при любом разговоре с Клео проявляла настороженность, была готова за себя постоять, а то и броситься в атаку.

– Да, ты сказала. Когда совершено предполагаемое убийство?

– Убийств было несколько. Предполагаемых. Последнее – года два назад, во Флориде.

– Несколько?!

– Да, несколько. По мнению заявителя, целых шесть за двадцать лет.

– Ты ему веришь?

– Я не говорила, что это «он». Верю ли прямо сейчас – не знаю. Чему я верю, так это тому, что он или она вот-вот подаст заявление в наш офис.

Клео встала – без каблуков она была гораздо ниже – и пошла к окну позади стола, оттуда открывался так себе вид на два других офисных здания.

– Очевиднейший вопрос, – начала она, глядя в окно. – Почему не обратиться в полицию? Уверена, ты его задала.

– Конечно, я первым делом спросила об этом. Его или ее ответ был такой: полиции на этом этапе нет доверия. Вообще никто не заслуживает доверия. Понятно, что какие-либо факты пока отсутствуют.

– Чем же он или она располагает?

– Неким довольно-таки убедительным, хотя и сомнительным набором доказательств. Убийства совершались на протяжении двадцати лет в нескольких штатах. Ни одно не раскрыто. На том или ином этапе своей жизни судья пересекался с каждой из жертв. У него свой оригинальный способ убийства, во всех случаях практически один и тот же.

– Интересно – до некоторой степени. Можно задать еще один очевидный вопрос?

– Вы босс.

– Благодарю. Если эти дела и вправду давно остыли, если местные копы давно сдались, то мы-то каким образом, черт возьми, сможем определить, что убийца – один из наших судей?

– Действительно, это очевидный вопрос. У меня нет на него ответа.

– По-моему, она чокнутая, вот и все. То же самое относится ко многим вокруг нас.

– К клиентам или к сотрудникам?

– К заявителям. Клиентов у нас нет.

– Верно. Закон гласит, что мы обязаны изучить поданную жалобу. Каковы ваши предложения?

Клео села в свое начальственное кресло, в котором казалась гораздо выше.

– Пока что не знаю, что нам предпринять, но уже знаю, чего мы точно не предпримем. Мы здесь не обучены расследовать убийства. Если она подаст жалобу, то у нас не будет другого выхода, кроме как передать ее в полицию штата Флорида. Все просто.

Лейси, принужденно улыбнувшись, сказала:

– Так и есть. Только у меня сомнения, что жалоба вообще появится.

– Будем надеяться, что ее не подадут.

Первый же вариант, о котором она подумала, был незамысловатым: уведомить Джери имейлом, чтобы она больше не ломала комедию. Краткое деловое послание Лейси гласило:

Марджи, после встречи с нашим директором с

сожалением сообщаю, что наша комиссия не примет ваше заявление. Если вы его подадите, то оно будет перенаправлено в полицию штата.

Буквально через несколько секунд на телефоне Лейси светился номер неопознанного абонента. Обычно она такие игнорировала, но сейчас догадалась, что звонит Джери.

– Вы не можете обратиться в полицию штата, – спокойно начала та. – Согласно положению с заявлениями следует разбираться вам самим.

– Здравствуйте, Джери, как поживаете?

– Хуже некуда. Я глазам своим не верю! Я рискую головой, подавая заявление, а КПДС трусит начать расследование! Вам больше нравится переключивать бумажки, и пусть этот тип по-прежнему выходит сухим из воды и продолжает убивать?

– Я думала, вы не любите телефоны.

– Не люблю, но этот нельзя отследить. Что мне теперь делать, Лейси? Забыть о двадцати годах трудов, вернуться домой и сделать вид, что ничего не произошло? Позволить убийце моего отца разгуливать на свободе? Помогите мне, Лейси!

– Поверьте, Джери, это не мое решение.

– Вы порекомендовали КПДС провести расследование?

– Пока нет официального заявления, нам нечего расследовать.

– Зачем подавать заявление, если вы все равно перекинете его полиции? Это невероятно, Лейси! Не думала, что вы такая трусиха. Я поражена!

– Простите, Джери, но есть дела, расследовать которые мы не компетентны.

– В положении сказано по-другому. Закон требует, чтобы КПДС разбирала любую жалобу, поданную на любого судью. Нигде не говорится, что КПДС может спихнуть жалобу полиции, не занявшись ею самостоятельно. Хотите, чтобы я напомнила вам содержание положения о целях и задачах вашей конторы?

– Это лишнее. Решение приняла не я, Джери. Для этого и существует начальство.

– Тогда я пошлю текст положения вашей начальнице. Как ее имя? Я видела ее на сайте.

– Не делайте этого. Она знает все документы наизусть.

– Не похоже. Что же мне теперь делать, Лейси? Взять и забыть про Бэнника? Про потраченные на него двадцать лет?

– Мне очень жаль, Джери.

– Ничего вам не жаль! Я собиралась приехать в субботу, встретиться с вами в укромном месте и выложить все про шесть убийств. Мне нужна ваша консультация, Лейси.

– Извините, Джери, в этот уик-энд меня не будет в городе.

– До чего удобно! – Она выдержала длинную паузу и завершила разговор словами: – Большое вам спасибо, Лейси. Что вы сделаете, когда он уьдет опять? Рано или поздно вы

вместе с вашей вшивой КПДС станете его соучастниками.

Глава 10

При упадке дисциплины в офисе пятница была там тихим днем. Во второй половине дня царил прямо-таки кладбищенская тишь: начальство, склонное подолгу обедать, после ленча уже не возвращалось, а немногочисленный временный персонал исчезал сразу после того, как закрывала свою дверь Клео. Всем было все равно, ведь Сейделл традиционно засиживалась допоздна и отвечала на телефонные звонки.

Лейси ушла еще до обеда и не собиралась возвращаться. Она поехала домой, переделалась в шорты, сунула в сумку кое-какую одежду, припрятала ключ для Рейчел – новой соседки, выгуливавшей ее собаку. Около часа дня она села в машину к своему бойфренду. Их путь лежал в сторону Розмари-Бич, что в двух с половиной часах езды вдоль побережья залива. Было жарковато, на небе – ни облачка. Они договорились, что Лейси не возьмет с собой ни ноутбука, ни каких-либо бумаг. Элли тоже был безоружен: все атрибуты своей профессии он оставил дома. Разрешены были только сотовые телефоны.

Формально целью уик-энда видели побег из города, от работы, чтобы поиграть в активные игры на солнце и позагорать. Но истинная причина была гораздо серьезнее. Обоим было уже под сорок, и оба были не вполне уверены в будущем – как в совместном, так и в личном. Они оставались

вместе уже больше двух лет и давно прошли первоначальные стадии романа – ухаживание, бурный секс, ночевки друг у друга, поездки, знакомства с семьями, сообщения друзьям, что они – пара, невысказанные обещания верности. Ничто не указывало на желание положить отношениям конец, напротив, оба были как будто довольны тем, что они продолжают.

Однако кое-что Лейси беспокоило – причем у нее не было уверенности, что Элли по этому поводу тоже переживает, – ее волновала неопределенность будущего. Что с ними будет через пять лет? У нее имелись серьезные сомнения, что она надолго задержится в КПДС. Элли тоже все больше разочаровывался в ФБР. Он был там на отличном счету и гордился достигнутым, но семидесятичасовая рабочая неделя давала о себе знать. Если он будет меньше работать, то станут ли они проводить больше времени вместе? И приведет ли это к новой форме близости? Заставит ли понять, наконец, любят ли они друг друга? Они вертели слово на букву «л» так и эдак, играли с ним, но все никак не принимали окончательного решения. В первый год вообще его избегали и даже до сих пор неохотно его произносили.

Лейси боялась, что никогда не полюбит Элли по-настоящему, что их роман будет тянуться, проходить одну стадию за другой и в конце концов подтолкнет их к браку. А потом, в сорок лет и даже позже, у нее уже не хватит духу уйти. Она выйдет за обожаемого, но на самом деле нелюбимого муж-

чину. Или это все-таки любовь?

Половина ее подруг твердила, что после двух лет отношений с женщиной надо расставаться. Другая половина считала иначе: окольцуй его, пока не сбежал.

По замыслу Лейси этот уик-энд должен был дать ответы на самые серьезные вопросы, хотя она, начитавшись дамских романов и насмотревшись романтических комедий, знала, что подобный «смотр сил», большое романтическое бегство, редко срабатывает. Шатающийся брак нечасто спасают несколько дней на пляже, непростые любовные отношения начинают там еще больше буксовать, не находя желаемого разрешения.

Она не ждала уже почти ничего, кроме удовольствия от солнышка. Будущее так и останется под вопросом, а они продолжат пинать пустую консервную банку...

– Тебя что-то гложет, – заметил Элли, держа руль левой рукой, а правой глядя ее по колену.

Пока еще рано было начинать серьезный разговор, поэтому она, быстро повернувшись к нему, ответила:

– Из-за одного нашего дела я лишилась сна.

– Обычно ты не переживаешь так сильно из-за ваших дел.

– Обычно мы не сталкиваемся с убийствами.

Он посмотрел на нее с улыбкой:

– Выкладывай, что там у вас.

– Не могу. Мои дела требуют конфиденциальности, как и твои. Но я, пожалуй, смогу набросать самую суть, если ты

все воспримешь гипотетически.

– Я весь внимание.

– В общем, выплыл один судья – гипотетический! – лет, скажем, пятидесяти, избирающийся на эту должность уже десяток лет. И он психопат. Ты следишь за мыслью?

– А как же! Разве не большинство из них такие?

– Перестань, я серьезно.

– Ладно. Мы изучали таких в Куантико, в рамках курса поведенческого анализа. Стандартная дисциплина. Только это было давно, и я еще не применял ее принципы в поле. Моя специальность – хладнокровные убийцы, перевозящие кокаин, и неонацисты, отправляющие по почте бомбы. Продолжай.

– Все это пока бездоказательные предположения. По утверждениям моей свидетельницы, тоже безымянной и слишком напуганной, чтобы раскрыть свою личность, этот судья убил за последние двадцать лет по меньшей мере шестерых. Шесть убийств в шести разных штатах. Он был знаком с каждой из жертв и терпеливо преследовал их, дожидаясь удобного момента. Способ убийства всегда одинаковый – удушение веревкой одного и того же типа. Его метод, его подпись. Место преступления он всегда оставляет в идеальном состоянии: никаких улик, только веревка на шее жертвы.

– Все дела глухие?

– Именно так. У полиции ничего нет: ни свидетелей, ни отпечатков, ни волокон, ни следов обуви, ни крови, ни мо-

тива. Полный ноль.

– Раз он был с ними знаком, то должен существовать мотив.

– Блестящее замечание классного агента ФБР!

– Благодарю. Просто это само собой разумеется.

– Ну да. Мотивы есть, но они разные: одни выглядят серьезные, другие пустяковыми. Всех я не знаю.

– Для него они все серьезные.

– Да уж...

Элли снял правую руку с колена Лейси и почесал подбородок. Немного поразмыслив, он спросил:

– Разбираться поручили тебе?

– Нет. Свидетельница еще не подала официальную жалобу на судью – слишком напугана. Вчера Клеопатра сказала мне, что КПДС не станет расследовать убийства.

– И что же будет дальше?

– Полагаю, ничего. Без официального обращения мы ничего не можем предпринять. Судью никто пальцем не тронет, он продолжит заниматься своими делами, в том числе убивать – если он убийца.

– Ты говоришь так, словно веришь этой свидетельнице.

– Да, я ей верю. Меня мучает это с понедельника, именно тогда мы познакомились и она внушила мне доверие.

– Почему бы ей не поделиться своими подозрениями с полицией?

– Есть несколько причин не делать этого. Первая: она бо-

ится и уверена, что убийца обо всем узнает и добавит ее в свой список. Больше всего ее смущает то, что у полиции нет оснований ей верить. У копов в захолустье Южной Каролины нет времени на возню с каким-то «висяком» на юге Флориды. У копов в Литл-Роке нет времени на такое же убийство в Чаттануге, поскольку там не нашли никаких улик.

Элли задумчиво кивнул.

– Получается четыре. Где еще два?

– Про них она еще мне не рассказала.

– Кого убили в Литл-Роке?

– Газетного репортера.

– Почему его имя оказалось в списке?

– Мы договорились рассуждать гипотетически, агент Пачеко. Больше никаких деталей ты от меня не получишь.

– Как скажешь. Ты предлагала ей обратиться в ФБР?

– Не слишком настойчиво. Пока этот вариант ее не заинтересовал. Ей это кажется слишком опасным, к тому же она сильно сомневается, что ФБР вообще захочет этим заниматься. Зачем ФБР список убийств без малейшего шанса раскрытия?

– Она бы удивилась, узнав, на что мы способны.

Лейси обдумывала это, пока они, слушая музыку, проехали несколько миль, виляя в потоке машин. Элли был приверженцем скоростной езды; попадая на радар, что случалось не меньше двух раз в год, он с удовольствием предъявлял свой значок и подмигивал полицейскому дорожной службы. Он

хвалился, что ему еще ни разу не выписывали штраф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.